

ISSN 1232-7468

Białoruskie Zeszyty Historyczne 40.2013

Białoruskie Towarzystwo Historyczne

40

Białoruskie Zeszyty Historyczne

Białystok 2013

Беларускае гістарычнае таварыства

40

Беларускі гістарычны зборнік

Беласток 2013

Białoruskie Towarzystwo Historyczne

Rada naukowa:

prof. dr hab. Stanisław Alexandrowicz (Toruń), prof. Ēriks Jēkabsons (Ryga),
prof. dr hab. Jan Jurkiewicz (Poznań), prof. dr hab. Ryhor Łaźko (Homel),
prof. dr David Marples (Edmonton), dr Rimantas Miknys (Wilno),
prof. dr Mathias Niendorf (Greifswald), dr Per Rudling (Lund),
prof. dr hab. Zachar Szybieka (Hajfa), doc. dr Siarhiej Tokć (Grodno),
prof. Barbara Törnquist-Plewa (Lund), prof. dr hab. Andrzej Zakrzewski (Warszawa)

Recenzenci:

Prof. dr hab. Tamara Bairašauskaitė, dr Tomasz Błaszczak, dr Adam Bobryk,
prof. dr hab. Waldemar Deluga, dr Tadeusz Gawin, dr hab. Joanna Gierowska-Kałuża,
prof. dr hab. Bohdan Halczak, ks. prof. dr hab. Michał Janocha, dr doc. Iryna Kiturka,
dr Lila Kowkiel, dr doc. Luba Kozik, prof. Siarhiej Nowikow, dr doc. Ina Sorkina,
prof. dr hab. Jan Tęgowski, dr Anatol Trafimczyk, dr hab. Aleksander Wabiszczewicz

Kolegium redakcyjne:

Eugeniusz Mironowicz (redaktor naczelny),
Dorota Michaluk (zastępca redaktora, sekretarz redakcji),
Marzena Liedke (zastępca redaktora), Oleg Łatyszczonok,
Witalis Łuba (red. językowy), Jarosław Iwaniuk (red. strony internetowej),
Sławomir Iwaniuk, Małgorzata Ocytko, Wiesław Choruży

Skład: Adam Pawłowski

Korekta: Witalis Łuba

Wydawca: Białoruskie Towarzystwo Historyczne

Adres redakcji: 15-449 Białystok, ul. Proletariacka 11, tel. 85 744 61 11

E-mail: ebma@interia.pl

Strona internetowa: <http://bzh.kamunikat.org>

Nakład: 500 egz.

Zrealizowano:

- dzięki dotacji Ministra Administracji i Cyfryzacji,
- przy wsparciu finansowym Urzędu Marszałkowskiego Województwa Podlaskiego w Białymstoku,
- przy pomocy finansowej Prezydenta Miasta Białegostoku

Na okładce: I strona: Piotr Wisieleński, IV strona: Chaim Płatkin.

Spis treści

artykuły

- Тацяна Бубенька, Андрэй Мяцельскі** — Пачаткі Нава-
грудка: вытокі і генезіс 7
- Ірына Кітурка** — Інвентар 1742 г. Брэсцкай і Кобрынскай
эканомій як унікальная крыніца па эканамічнай гісторыі
Беларусі 31
- Елена Говор** — Белорусские анзаки 53
- Jan Wiśniewski** — Kwestia białoruska i wschodnia granica Pol-
ski w polityce rządu syberyjskiego admirała Aleksandra Koł-
czaka w latach 1918-1920 109
- Tomasz Błaszczak, Patryk Tomaszewski** — Białoruska Korpo-
racja Akademicka „Scorinia” w Wilnie w latach 1931-1934 133
- Piotr Cichoracki** — Radykalizacja działalności komunistycz-
nej w pierwszej połowie lat 30. w województwie poleskim ... 157
- Christian Ganzer** — Straty po stronie niemieckiej i radzieckiej
jako wskaźnik długotrwałości i intensywności walk o twier-
dzę brzeską 171
- Eugeniusz Mironowicz** — Prowincja i stolica — okupacyjna
codziennosc na Białorusi 189
- Rafał Czachor** — Od próby reformy republiki radzieckiej do
niepodległości. Proces zmian ustrojowych na Białorusi w la-
tach 1989-1991 211

komunikaty

- Леанід Лаўрэш** — Датаванне пабудовы царквы ў Малым
Мажэйкаве 226
- Antoni Mironowicz** — Najstarszy „Субботник или Поминик”
monasteru supraskiego 233

Язэп Янушкевіч — Метрыкі хросту Вінцэся-Кастуся Каліноўскага 244

Witold Bobryk — Sprawozdanie o stanie Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego w województwie suwalskim z 1980 roku 249

Urszula Gołubowska — Tożsamość Polaków wyznania prawosławnego 257

materialy źródłowe

Eugeniusz Iwaniec — Kosów Poleski i Mereczowszczyzna w czasie okupacji niemieckiej (1941-1944) Część druga: sierpień 1942 — lipiec 1944 270

recenzje, polemiki, informacje bibliograficzne

Аляксей Шаланда, *Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X-XVIII стст. Геральдычна-сфрагістычныя нарысы*, Мінск: Беларуская навука, 2012, 182 с. ілюстрацыі. Наклад 500 асобнікаў. (Генадзь Семянчук) 294

Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года, уклаў Васіль Варонін, Менск 2011, 271 с.. (Генадзь Семянчук) 300

Arkadiusz Czwołek, *Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego*, Wydawnictwo Naukowe UMK, Toruń 2012, ss. 734, ilustr., tabl. genealogiczna. (Marzena Liedke) 304

Кніга магістрата места Полацка 1727 г., падрыхтавалі А. М. Латушкін, М. Дз. Макараў, Беласток: Беларускае навуковае таварыства, Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2012, 406 с. (Генадзь Семянчук) 307

Contents

academic papers

- Taciana Bubienka, Andrej Miacielski** — The beginnings of Navahrudak: sources and origins 7
- Iryna Kiturka** — The inventory of the Brest-Kobryn crown lands dating from 1742 as a unique source in the economic history of Belarus 31
- Elena Govor** — Belarusian Anzacs 53
- Jan Wisniewski** — The Belarusian issue and the eastern Polish border in the policy of the government of the Siberian Commander Alexander Kolchak in the years 1918-1920 109
- Tomasz Błaszczak, Patryk Tomaszewski** — The Belarusian „Scorinia” Academic Corporation in Vilnius in 1931-1934 133
- Piotr Cichoracki** — The radicalization of Communist activities in the Polesie Voivodeship in the first half of the 1930s 157
- Christian Ganzer** — German and Soviet casualties as an indicator of the long duration and intensity of fighting over the Brest fortress 171
- Eugeniusz Mironowicz** — The province and the capital—daily life in occupied Belarus 189
- Rafał Czachor** — From an attempt at reforming the Soviet republic to independence. The process of constitutional changes in Belarus in 1989-1991 211

miscellanea

- Łeani Łauresz** — Dating the construction of the Orthodox church in Malamażejkau..... 226
- Antoni Mironowicz** — The oldest Subbotnik ili Pominik in the Orthodox monastery in Supraśl..... 233

Jazep Januszkiewicz — The baptismal certificates of Wincenty-Konstanty Kalinowski	244

Witold Bobryk — Report on the condition of the Polish Autocephalic Orthodox Church in the Suwałki voivodeship in 1980	249

Urszula Gołubowska — The national identity of Orthodox Poles	257

source materials

Eugeniusz Iwaniec — Kosava and Mieračouščyna under German occupation (1941–4). Part two: August 1942–July 1944	270

reviews

(see table of contents in Polish)

Елена Говор
(Канберра)

Белорусские анзаки

Каждый год 25 апреля Австралия отмечает один из самых священных для австралийцев праздников — День Анзака. В этот день в 1915 году части австрало-новозеландского армейского корпуса (ANZAC), вместе с войсками союзников, высадились под шквальным огнем турецкой армии на гористые берега полуострова Галлиполи у пролива Дарданеллы. По плану британских военных стратегов это должно было позволить не только захватить Дарданеллы, но и оттянуть турецкие войска с кавказского фронта и, таким образом, помочь одному из их главных союзников — России. Генералы мало считались с жизнью простых солдат, тысячи которых погибли при высадке и во время последующих кровопролитных боев. По существу Галлиполийская операция стала поражением союзников, но в самосознании австралийской нации этот гористый берег, политый кровью тысяч ее сынов, занял особое место, и День Анзака так же священен для австралийцев, как для нас — День Победы.

По мере того как австралийская нация взрослеет, ее отношение к прошлому становится глубже и многомернее, и история легендарных анзаков наполняется новым содержанием. Но один компонент ее до недавнего времени оставался непоколебимым — само собой разумелось, что Австралия в то время была почти исключительно англосаксонской нацией, таковой же была ее армия. И вот, просмотрев тысячи архивных дел, со статистикой в руках мне удалось доказать, что россияне на протяжении всей войны тоже были частью «легенды анзаков», причем в Австралийской армии бывшие русские подданные составляли самую большую национальную группу не англо-кельтского происхождения — около тысячи человек. О них я рассказала в книге «Русские анзаки в австралийской истории»¹. Оговорюсь сразу, что «русскими» в то время в Австралии называли всех уроженцев Российской империи, независимо от их этнического происхождения. В па-

¹ Е. Govor, *Russian Anzacs in Australian History*, Sydney, UNSW Press, 2005. Книгу дополняет вебсайт автора Russian Anzacs <http://russiananzacs.elena.id.au/>, в котором есть раздел «Белорусские Анзаки». На страницах, посвященных каждому из них, имеется список ссылок к документам из австралийских архивов. Многие из этих документов оцифрованы и, таким образом, эти источники можно просматривать, используя ссылки на сайте. В частности, оцифрованы все служебные досье анзаков; они находятся в Национальном архиве Австралии в фонде B2455.

мать о тех временах и заблуждениях я и создала выражение «русские анзаки», открыв для австралийцев пласт истории, о котором они не подозревали. Я не вкладываю в это выражение никаких имперских амбиций, а, напротив, пытаюсь показать все многообразие тех, кого здесь называли «русскими» и стереотипно считали бунтовщиками и большевиками.

Среди австралийских солдат из Сиднея и Гандагая, Брокен-Хилла и Бендиго на том далеком галлиполийском берегу были и наши земляки — Павел Зиневич из Больших Лескович под Картуз-Березой, Чарльз Оскар Зандер из Вилейки, Устин Гловацкий из Жабинки под Брестом, Вильям Деонк из Лиды. Вот о вкладе уроженцев Беларуси в австралийскую легенду и — шире — в австралийскую историю и будет наш рассказ.

Тайна Вильяма Деонка

Сколько было уроженцев Беларуси и тем более этнических белорусов среди анзаков сказать с абсолютной точностью трудно. Ведь границы губерний Российской империи, откуда они приехали, отнюдь не совпадали с территориальными границами нынешней Беларуси, да и белорусская нация в современном понимании этого слова в то время еще только формировалась. Героями нашего повествования будут сорок с лишним человек, родившихся на территории нынешней Беларуси и прилегающих районов, населенных белорусами. Треть среди них были евреями, остальные — славянами: белорусами, русскими, поляками, украинцами.

Часто провести разграничение между славянами, жившими в Беларуси и на прилегающих территориях, выяснить этническое происхождение человека и, что не менее интересно, его самоопределение, оказывается совсем не простым делом. При тех или иных условиях они могли называть себя и поляками, и русскими, для них было характерно дву- и трехязычие. Здесь можно принять такую схему — если человек всю жизнь до эмиграции прожил в родной белорусской деревне, то его можно назвать белорусом в современном значении этого слова. Если же наш герой рано покинул свою деревню, местечко или город, обучаясь и живя в русском окружении, то в его самоидентификации может доминировать русская культура. Поэтому для выяснения того, кто был белорусом, приходится принимать в расчет и место рождения, и написание фамилии и имени, и имена родственников, и религиозную принадлежность, и круг контактов, и факторы, которые способствовали обрусению (например, служба в российской армии).

В начале двадцатого века, когда началась довольно значительная эмиграция жителей с территории нынешних Беларуси и Украины

в Австралию, австралийцы считали их русскими или поляками, а сами эмигранты редко пытались исправить эту ошибку. В результате присутствие белорусов и украинцев в австралийском этносе на первых порах проходило незамеченным. Да и сами австралийские общины белорусов и украинцев, которые сформировались после второй мировой войны, когда Австралия приняла десятки тысяч перемещенных лиц из Советского Союза, начинали отсчет присутствия своих наций в Австралии со своей, послевоенной, волны, не подозревая о своих героических земляках, которые сражались за эту страну уже в годы первой мировой в числе легендарных анзаков.

Говоря с детьми белорусских анзаков я все еще слышу отзвуки этой этнической путаницы. Когда я спросила Дороти, дочь Вильяма Деонка (Deonck) из Лиды, о родном языке ее отца, она сразу же ответила: «Русский». Но после моих дальнейших расспросов, когда я попыталась уточнить, был ли это действительно русский язык или польский, она поправила себя: «Ну, пожалуй, польский, потому что он называл себя поляком, а может польско-русский или что-то такое». Впрочем, сама Дороти слышала из уст отца только английский. Дело еще больше запутывают семейные предания о том, что мать Вильяма Деонка, Мария, была ирландкой, которая переселилась в Польшу во время голода в Ирландии, а об его отце они слышали, что он был капитаном на британском корабле во время Ютландского сражения. Уж не британцем ли он был? Но нет, Дороти припоминает, что настоящее имя ее отца было Тадеуш². А потом удастся найти и факты: Вильям при вступлении в брак в 1919 году и при натурализации в 1940 году указал имя своего отца как Никода³, а на свидетельстве о смерти Вильяма в 1961 году имя его отца указано как Никодемус⁴, в форме принятой в католических святцах. Учитывая, что Вильям и сам был католиком, в его польском происхождении не приходится сомневаться. Внешность Вильяма — смуглолицый и темноволосый — вполне могла объясняться наследием его матери-ирландки (о ее ирландском происхождении Вильям действительно пишет в натурализации). Что же до загадочной фамилии Deonck, то она могла быть сокращением фамилии Денковский или Дионисюк/Денисюк и их вариантов.

Франк, сын солдата с английским именем Александр Майк (Mike), помнит, что его отец «всегда говорил, что он был русским и всегда

² Интервью с Дороти Эйлес, 15.08.2001 (здесь и далее интервью из архива автора Елены Говор, Канберра, Австралия).

³ National Archives of Australia = Национальный архив Австралии (далее: NAA), A435, 1948/4/94, Deonck William.

⁴ Registry of Birth, Death and Marriages, New South Wales. Электронная база данных http://www.bdm.nsw.gov.au/bdm_fh.html

говорил по-русски. Мы были поражены, когда в его документах о натурализации мы увидели, что в действительности он был поляком»⁵. Однако, Александр не был ни русским, ни поляком. Вступая в австралийскую армию он дал такой адрес своих родных, написанный на русском языке: «Минской губ., Игуменского уезда, Пуховичской волости, деревни Затитовской Слободы, получить Анне Г. Майко»⁶. Оказалось, что это Затитова Слобода в Пуховичском районе — деревня с белорусским населением. Дети Александра подтвердили, что его подлинная фамилия была Майко, среди его родственников были Поскребка — другая фамилия, распространенная в этой деревне. От них же я узнала, что Александр был православным. Все это дает основания считать его белорусом.

Вероятно белорусом был и Петр с труднопроизносимой фамилией Вишкенлский (Wishkenlski) — так он писал ее, когда вступал в австралийскую армию, однако к концу службы она трансформировалась в Виселенский (Wiselenski)⁷. На мое предположение о том, что фамилия, вероятно, искажена, его дочь Маргарет пишет: «Мы многого не знаем о ранних годах жизни отца, в том числе и правильное написание его фамилии. Поскольку он не мог писать по-английски, он называл свое имя и все, что они там писали, он принимал. Он считал себя русским»⁸. Из служебного досье видно, что Петр родился в Слониме, его отца звали Адам, и это, как кажется, свидетельствует в пользу того, что он мог быть поляком с фамилией Вишневский, которая, впрочем, широко распространена и среди русских. Вполне возможно, что Вишкенлский это была попытка передать какую-то более редкую польскую фамилию, например Wiszlański. Тем не менее, замечание Маргарет о том, что он считал себя русским и его принадлежность к православной церкви (это он указал ясно, вступая в австралийскую армию), позволяют утверждать, что он был православным белорусом.

Лишь единицы среди белорусов делали попытку объяснить свое отличие и от русских, и от поляков. Барбара, дочь Устина Гловацкого, рассказывает о своем отце: «Я не знаю, говорил он по-русски или по-белорусски, но в глазах моей матери-польки он был крестьянином. Может быть он не говорил по-русски так, как было должно говорить по-русски по ее мнению. И он не любил говорить по-польски. Он определенно не был поляком. Он гордился, что он не поляк»⁹. Вполне

⁵ Интервью с Франком Майком, 3.04.2001.

⁶ NAA: B2455, Mike Alexander.

⁷ NAA: B2455, Wishkenlski Pete.

⁸ Е-маил Маргарет Макграс, 5.01.2010.

⁹ Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

возможно, что под «крестьянским» русским языком тут скрывается белорусский язык.

Мог белорусский язык скрываться под термином «диалект», что произошло, как кажется, в случае с Яковом Федоровичем Гречинским из Городни. Надеясь получить работу цензора в австралийской армии в 1917 году он писал, что знает «русский, польский, язык Курляндской [губернии], один или двух русских диалекта, а также французский и японский языки»¹⁰. В случае Курляндской губернии речь идет по всей видимости о латышском языке, а вот два «диалекта» могут быть украинским и белорусским языками, ведь Городня Черниговской губернии, где он родился, находится на границе нынешних Украины, Беларуси и России. Среди Гречинских в Городне бытовало предание, что их предком был греческий поп Яков, прибывший в Нежин при Екатерине II. Австралийского Гречинского, не смотря на знание им украинского и белорусского языков, все же следует считать русским по культуре, его отцом был врач Федор Павлович Гречинский (возможно брат врача и литератора Василия Павловича Гречинского), и Яков получил прекрасное образование в русских учебных заведениях; вероисповедание его было православным.

Православное вероисповедание Фавста (Фауста) Павловича Леошкевича, родившегося в Соколке Гродненской губернии (ныне это территория Польши на границе с Беларусью), указывает на то, что он, несмотря на место рождения, не был поляком. Но и белорусом, не смотря на его белорусскую фамилию, его едва ли можно назвать. Он происходил из семьи полковника Павла Илларионовича Леошкевича (потомственного дворянина Виленской губернии), семья жила и в Беларуси и в Мариамполе (ныне на территории Литвы, недалеко от границы с Беларусью и Польшей), а после смерти отца мать Фавста оказалась в Ашхабаде в Туркестане; родными языками для Фавста были русский и французский¹¹. Так что в данном случае перед нами человек русской культуры, не смотря на польско-белорусско-литовское происхождение его предков.

Семен Сучков, напротив, не смотря на свою русскую фамилию, считал себя белорусом. Он был учителем в поселке Еремичи, в Гродненской губернии; за участие в первой русской революции он был арестован и сослан в Сибирь. Из ссылки он, как и многие, бежал и в 1912

¹⁰ NAA: PP14/1, 16/1/186.

¹¹ Послужной список бывшего Мариампольского уездного воинского начальника полковника в отставке Павла Илларионовича Леошкевича. — Российский государственный военно-исторический архив, ф. 400, оп. 12, д. 23121; письмо Леона Леошкевича, 2.10.2001.

году прибыл в Австралию¹². В марте 1945 года, во время обсуждения ялтинских соглашений в австралийской печати, он выступил с большим письмом в защиту освобождения Западной Беларуси от власти Польши. «У меня есть право выступать по этому вопросу, — писал он. — Я белый русский (термин, который не имеет политического значения, а только историческое и этническое). Я жил в этой стране до 23 лет, я побывал почти в каждом уголке Белой Руси, или как ее теперь часто называют местные жители, Белоруссии»¹³. Как видим, даже в 1945 году понятие белорус требовало некоторых объяснений в австралийском контексте.

Православный Джон (Иван Владимирович) Матвейчик, который родился на территории нынешней Польши, может быть назван белорусом. При вступлении в армию он указал такой адрес своего брата: Grodnenskoj Gubernii, Woskovaskah Uezda, Ushkovkahy Wososki, derevnia Ushkov Grood. Этот адрес мне удалось расшифровать как: Гродненской губернии, Волковысского уезда, Юшковской волости, деревня Юшковы Груд (Juszkowy Gród)¹⁴. Тот факт, что ни свою фамилию, ни название деревни Матвейчик не написал по-польски, говорит в пользу его белорусской самоидентификации. В определении национальной принадлежности православного Федора Трофимовича Лейко из Збочно под Слонимом¹⁵ нам может помочь знание о белорусском писателе Кондрате Федоровиче Лейко, происходящем из той же деревни.

Для определения национальной принадлежности Лео Берка приходится прибегнуть к кругу его контактов. Он родился в Белостоке Гродненской губернии. Фамилия Берк была распространена среди евреев, немцев и, в небольшой степени, поляков. Тот факт, что он был католиком, указывает, как кажется, на его польское происхождение. Однако фамилия его замужней сестры, проживавшей в Белостоке, — Андрейчик, — и тот факт, что эмигрировав в Брисбен с Дальнего Востока он общался исключительно с русской, а не с польской общиной, позволяет говорить об преобладании русской и, возможно, белорусской культуры. В одном из документов он отмечал, что русский является его родным языком¹⁶.

¹² NAA: A1, 1923/4646, S. Simon Sutchkoff Naturalization.

¹³ S. Sutchkoff. Polish settlement: A White Russian's views. (Public opinion). — *Advocate*, Burnie, Tas., 10 марта 1945, с. 7.

¹⁴ NAA: B2455, Matveichik John.

¹⁵ NAA: B2455, Leyko Fedor.

¹⁶ NAA: A1, 1920/7791, Leo Berk — Naturalization; L. Berk *et al.*, Russian Soldiers' Protest', *Daily Mail* (Brisbane), 5.09.1918, с. 8; 17.09.1918, с. 7.

Здесь следует отметить значительный русифицирующий эффект, который оказывала служба в русской армии не только на белорусов, но и на поляков. Петр Сребел (Сребаль), католик, происходил из Виленской губернии, и этнически, несомненно, был поляком. Однако, если мы ближе познакомимся с имеющимися о нем сведениями, то возникает несколько иная картина. Он прослужил два года в русской армии. Все его контакты в Австралии связаны с русской общиной — русскими были его друзья, и останавливался он в русских пансионах, а в австралийскую армию он вступил, указав имя и отчество — Петр Антонович¹⁷.

Лео Берк служил два года в артиллерии и участвовал в русско-японской войне. Он приехал в Австралию через Дальний Восток, очевидно оставшись там после войны. В русско-японской войне участвовал и Матвейчик, также приехавший в Австралию с Дальнего Востока. Когда, в 1942 г., он умер в одиночестве в Брисбене, государственный попечитель передал в военное архивохранилище две его русские медали вместе с австралийскими боевыми наградами¹⁸. Таким же путем приехали в Австралию Устин Гловацкий, служивший в Сибирском пехотном батальоне в 1909-1912 гг., Андрей Иванович Жабинский, служивший в Сибирском батальоне саперов, Джордж (вероятно Георгий) Гурасов, прослуживший 4 года в Маньчжурском кавалерийском отряде¹⁹.

Заговорив о службе в армии, мы уже и затронули тему о том, как уроженцы Беларуси попадали в Австралию в те давние времена. Главный путь, как это ни странно, пролегал через Дальний Восток, который, с открытием Транссибирской железной дороги, стал для россиян своеобразным Клондайком. Для многих этот путь начинался со службы в армии. Отслужив срок, молодые люди не возвращались на родину, а искали новых дорог, и тут на помощь им приходили эмиграционные бюро, которые на льготных условиях, через Харбин и Японию, перевозили россиян в Австралию. Пользовались их услугами и те, кто, приехав в Сибирь или на Дальний Восток, оказались без работы, ведь Австралия накануне первой мировой войны славилась как страна социальных реформ, «рабочее царство»²⁰.

Некоторые белорусы попадали в Австралию через Канаду и Америку, и историю их приключений расскажет нам Александр Майко.

¹⁷ NAA: B2455, Srebel Peter Antonovitch; BP4/3, Russian Srebel P.

¹⁸ NAA: B2455, Berk Leo; B2455, Matveichik John.

¹⁹ NAA: B2455, Glavasky Usten; B2455, Jabinsky Andrew; B2455, Gurasoff George.

²⁰ E. Govor, *Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770-1919*, Melbourne, Melbourne University Press, 1997, с. 151-156.

Три Ганночки или вокруг света в поисках счастья

В 1937 году Александр Майко прибил к ограде своего земельного владения в Госфорде, под Сиднеем, доску с надписью «Березина». Так называлась река его детства в далекой Беларуси, воспоминания о которой, сладкие и горькие, всегда были с ним. К этому времени он был отцом двух детей-подростков, которые и подарили ему эту доску на Рождество. Для них, незадолго до своей смерти, он и продиктует историю своей жизни.

«Я родился 4 августа 1892 года в деревне Слобода на реке Березине в России, в 70 милях от Минска. Моего отца звали Григорий Майко, а мать — Анна. Когда мне было семь с половиной лет, мой отец умер, а через пять месяцев родилась моя сестра Анна. Через год после смерти отца мать снова вышла замуж за мужчину с шестью детьми по фамилии Поскрёбо. Жизнь для меня стала невыносимой, потому что он был очень плохим и жестоким человеком. [Александр не написал об этом, но дети помнят, что его тело было покрыто шрамами от побоев, полученных в детстве — Е. Г.]. Я ушел жить к бабушке, но когда мне было десять лет, она умерла. Мне пришлось вернуться в дом к матери, но я не мог там ужиться. Много раз я убегал из дома и спал в сараях. Моей матери и сестре тоже плохо жилось с отчимом. Она бы ушла от него, но к тому времени у нее появились еще дети, и она не могла их оставить. В двенадцать лет я получил свою первую работу в 8 милях от нашей деревни. Я пас овец и свиней, присматривая, чтобы они не потравили поле и чтобы их не зарезали волки. Хозяин одевал меня и кормил и за семь месяцев работы заплатил мне 11 рублей (25 шиллингов). На следующий год я работал на тех же людей — пахал и сеял. Летом я водил коней в ночное и спал под звездами. Мы обычно разводили костер, чтобы отпугивать волков и согреваться. За этот год работы я получил 1 фунт 16 шиллингов. [В Австралии в то время годовая зарплата составляла около 50-100 фунтов. — Е. Г.]. На третий год я работал на другого человека в той же деревне. В этой деревне было только семь домов. За этот год я заработал 2 фунта 5 шиллингов. Работа была тяжелой — расчистка земли — и я ушел через восемь месяцев. Потом я работал в буше [австралийские слова органически вплетаются в его белорусское повествование: буш — это австралийский лес — Е. Г.], готовил бревна для сплава вниз по Днепру. Потом я нашел работу недалеко от тех мест, где я родился. Здесь в первый год мой заработок был 30 рублей, а во второй год — 40 рублей с одеждой и едой. В работу входило пахать, бороновать, косить, и раз в месяц доставлять в Минск груз виски (водки)»²¹.

²¹ Здесь и далее: Александр Майко, *История моей жизни*. — Архив Берил Боуэн, Госфорд.

... Читая его скупые строки, я могла легко представить то, о чем он не писал. Запах чабреца на песчаных пригорках среди молодых сосен. Какой благоухающий чай получался из его соцветий! Луговые цветы — сиреневые, желтые, розовые — вдоль извилистой речки, роса так и горит на них, когда косцы идут косить на восходе солнца. И картошка, испеченная в углях костра под звездами, со щепоткой сероватой крупной соли... Эта земля совсем не походила на Австралию, и все же, читая о жизни Александра в Беларуси, я постоянно вспоминала историю австралийца Берта Фейси, книга которого «Счастливая жизнь» стала символом повседневного героизма простого австралийского труженика. Их жизненные истории до удивления схожи. Они родились почти в одно и то же время, и тяжелые дни для обоих из них настали, когда им едва стукнуло по 8 лет. Это была жестокость их отчимов, жестокость, которая являлась частью семейных взаимоотношений в те дни. Оба они получают «лесное образование» („bush schooling” назовет его Берт Фейси). Оба будут с точностью до мелочей вспоминать цифры своих первых заработков десятилетия спустя. И оба будут тяжело ранены на войне...²². Но вернемся к следующему периоду в жизни Александра Майко. В те годы, когда его австралийский двойник Берт начал свой путь, покинув места в Западной Австралии, где он вырос, Александр тоже отправился в путь — на другой конец земли.

«Когда мне было семнадцать с половиной лет я решил отправиться в Канаду, и тут возникла проблема денег. Чтобы добраться до Канады, надо было иметь 140 рублей и еще 50 надо было предъявить при высадке. Я накопил 40 рублей и еще 100 я получил, сдав в аренду землю, которую оставил мне отец, но достать последние 50 оказалось не простым делом. В конце концов мне одолжили эти деньги люди, у которых я работал, просто под честное слово. Я не мог получить паспорт, так как я был еще несовершеннолетним, и я отправился в путь без паспорта, с помощью агента. Я покинул дом 26 декабря 1909 года. Из нашей деревни вместе со мной отправилась еще одна женщина и трое мужчин. Сначала мы добрались до Польши, там мы неделю прятались, а потом нас отправили дальше в вагоне со скотом. Из него мы вышли недалеко от границы и оттуда шли 5 миль по бушу, пока не оказались в Австрии. Неделю мы провели в Вене, а потом поездом поехали в Роттердам в Голландии. Там мы неделю ждали пароход, который довез нас до Галифакса. Оттуда мы поездом доехали до Торонто в Канаде.

В Торонто я нашел работу на сортировке старой бумаги и тряпья за 4 доллара 50 центов в неделю, за жилье и еду я платил 3 доллара в не-

²² A. B. Facey, *A Fortunate Life*, Fremantle, 1981.

делю. Через полгода я нашел работу по сортировке тряпья в другом месте за 6 долларов в неделю, но я там долго не задержался. Когда я вернулся на свою первую работу, они стали платить мне 7 долларов 50 центов в неделю. ... Моя следующая работа была у портного за 7 долларов в неделю. Мне там очень нравилось, и я проработал там полгода, но заработок был небольшой и я отправился в Америку. Это было в 1911 году. ... В Питсбурге я получил работу на сталелитейной фабрике. Это была самая лучшая из моих работ! Я работал у печи, нагревая железо, из которого делали костыли для железнодорожных рельс... Потом я работал на угольной шахте в Пенсильвании... Я проработал там около двух месяцев, когда большой камень свалился мне на ногу и мне ампутировали раздробленный большой палец. Я не сразу поправился, и все мои сбережения кончились. После этого я работал на строительстве дороги, на ферме и развозил лед. Следующая работа была на пристани на озере Эри и на колесном пароходе на реке Огайо. ... В конце концов я решил вернуться в Канаду. ... У меня было только то, что было надето на мне, т.к. в Питсбурге я потерял всю свою одежду. Я получил работу у своего старого босса — возчика с лошадьми — 12 долларов за 60-часовую рабочую неделю, но вскоре меня уволили за участие в забастовке. Потом я работал на ферме, но там мне плохо пришлось, и я нанялся развозить уголь. Это была тяжелая и грязная работа, и я перешел в отливочную мастерскую, но там работа оказалась мне не по силам. Я опять вернулся к старому боссу, и он дал мне работу получше — водить машину за 13 долларов в неделю. Вот тогда я и получил свои первые водительские права. Началась война, и босс срезал зарплату. Я попытался вступить в армию, но меня не приняли в танковый корпус, и я решил отправиться в Новую Зеландию.

Новая Зеландия мне не очень понравилась, и я нанялся на корабль, который шел в Австралию. Австралия мне тоже сразу не понравилась, но у меня не было денег, чтобы уехать отсюда, а на корабль можно было наняться только до Индии, перевозить лошадей. Это меня не устраивало, пришлось остаться тут и довольствоваться тем, что есть. Я нанялся строить железную дорогу в Ниммитабеле [у подножья Снежных гор] за 8 шиллингов в день, но там все время шел дождь или снег и нам удавалось работать только три или четыре дня в неделю, а жить приходилось в палатках, так что я оставил эту работу и поехал на корабле в Брисбен. Там дела были не лучше, сотни людей не могли найти работу. Я отправился внутрь страны в поисках заработка. Пройдя 60 миль, я нашел работу на расчистке за фунт в неделю плюс содержание. Через 8 недель работа кончилась, и я нашел другую на молочной ферме. Там я оставался 3 месяца, потом я вернулся

в Сидней и стал развозить молоко в Мосмане за 1 фунт 10 шиллингов в неделю плюс содержание».

Но кончилась и эта работа и Александру ничего не оставалось, как вступить в армию. Заполняя документы он тщательно вывел в графе «ближайший родственник» имя своей любимой сестры Анны. Ведь она была единственным светлым лучиком в его прежней жизни, который связывал его с родной землей.

Но Анна, Ганночка, была не только в судьбе Александра Майко.

Alec taken in England (1917)

Александр Майко в Англии в 1917 году

Маргарет, дочь Петра Виселенского из Слонима, вспоминает, что у отца «с родиной никаких связей не было, не смотря на попытки моей матери разыскать его родных. Камнем преткновения было то, что мы не знали, как правильно пишется его фамилия. Он уехал из дома очень рано, лет в двенадцать-тринадцать, и образования у него почти не было. Неизвестно, то ли его отвез на корабль отец, то ли он сам был вынужден покинуть дом из-за конфликта, так как он очевидно не ладил с мачехой. Об одном он жалел — о потере связи со своей единственной сестрой Анной»²³. Именно свою сестру, как и Александр Майко, Петр указал в графе «ближайший родственник», вступая в Австралийскую армию. Эту Ганночку помнят в далекой Австралии спустя столетие, и я надеюсь, что не смотря на все перипетии двадцатого века, теперь наконец-то удастся найти ее семью в Слониме... На мой вопрос, учил ли их Петр своему родному языку и пел ли он какие-либо песни, Маргарет ответила: «Он не учил нас своему языку, и песен нам не пел. Я думаю, что и петь-то им было не о чем, жизнь там была очень тяжелая. Я только знаю, что когда на их маленьком наделе земли бывал неурожай, они едва могли прокормиться и выжить»²⁴.

Была Анна в судьбе и Павла Зиневича из деревни Большие Лесковичи (Пружанский уезд, Гродненской губернии). Его родственник, Леонид Корж из Березы, рассказывает, что в семье было пятеро детей, и когда Павел окончил Черняковскую двухгодичную церковно-приходскую школу, «денег на продолжение учебы не было, и он остался у родителей и пас скот у богатых людей. Перед первой мировой войной завербовался на работу, как тогда говорили, в Америку. За прошедшие годы его отсутствия было получено два письма, которые не сохранились». Сестра Павла Анна помнила о нем до самой смерти, и умирая, завещала своим родным узнать о его судьбе²⁵. Выполнить просьбу этой Ганночки удалось только сейчас, когда я разыскала его родных в Беларуси.

Павел Зиневич и Петр Виселенский, как и Александр Майко, покинули родину почти одновременно, за несколько лет до первой мировой войны, отправившись искать счастья в Канаде и Америке, а потом перебрались в Австралию.

Было среди уроженцев Беларуси и несколько моряков — наши знакомые Вильям Деонк и Фавст Леошкевич, а также кочегары Мариан Адамцевич из Минска и Прокофий Пашкевич из Борисовки (Кобринский уезд Гродненской губернии)²⁶. Все они попали в Австралию в начале войны.

²³ Е-маил Маргарет Макграс, 29.01.2010.

²⁴ Е-маил Маргарет Макграс, 29.01.2010.

²⁵ Письмо Леонида Коржа, Береза, 20.06.2007.

²⁶ NAA: B2455, Adamzewitch Marian; NAA: B2455, Pashkevich Prokofie.

Петр Виселенский

Пути миграции шестнадцати евреев, которые были среди белорусских анзакв, были несколько другими. Для многих из них это была двухступенчатая эмиграция — еще в детстве или в юности они покидали родные края и отправлялись в Англию, а уже оттуда перебирались в Австралию. Такой путь прошел, например, Исаак Прусов из Городка на Витебщине — в 15 лет, в 1900 году, он отправился в Лондон, где освоил ремесло столяра и женился, перебравшись с женой и детьми в Австралию накануне войны²⁷. Некоторые совершали сходное путешествие через Южную Африку или Аргентину, а несколько человек попали в Австралию через Палестину.

«Стать солдатом — это мой долг перед Австралией»

Судьбы еврейских анзакв дают интересную пищу для размышлений об отношении этого поколения эмигрантов к своей родине, к прошлому. Некоторые еврей-анзаки выросли, не имея никаких связей с Беларусью. Соломон Розенберг покинул ее в 9 лет, жил в Глазго, в Англии, потом в Аргентине. Когда ему пришла пора подавать документы на натурализацию, он не знал даже, где он родился, и лишь запросив отца, он выяснил, что происходит из Брест-Литовска²⁸. О своем русском подданстве они вспоминали лишь когда нужно было заполнять документы. Однако вопрос национальной принадлежности для еврейских, как, впрочем, и для других анзакв значил иногда гораздо больше, чем формальная запись в армейских аттестационных документах. Намного больше...

И здесь мы познакомимся с одной из богатейших семей Австралии — Майерами, основателями крупнейшей сети универсальных магазинов «Майер Эмпориум». Происходят эти австралийские мультимиллионеры из белорусского городка Кричев. Основатели династии, братья Элкон и Симча Баевские приехали в Австралию еще в конце XIX века. Начав с нуля, ко времени первой мировой войны они были уже крупными торговцами. Хотя они и не перечеркнули свое русское прошлое, для них характерно было стремление к ассимиляции, вскоре они приняли имена Элкон и Сидней Майер (Myer)²⁹. Во время войны они занимались поставками для австралийской армии. В 1915 году Элкон Майер, будучи уже немолодым человеком, вступил в английскую армию и прослужил до конца войны. Но эта семья дала австралийской армии еще двух солдат. За несколько лет до войны они пригласили

²⁷ NAA: A1, 1915/4984, Isaac Pruss Naturalization.

²⁸ NAA: A1, 1915/4820, Solomon Rosenberg — Naturalization.

²⁹ Ambrose Pratt, *Sidney Myer: a Biography*, Melbourne, Quartet, 1978.

в Австралию своих молодых племянников Самуила Эттингова и Наума (Нормана) Майера из местечек Ляды и Татарск под Могилевом. Юноши получили здесь хорошее образование и выросли, отождествляя себя с австралийской, а не с русской или еврейской культурой. Оба юноши вступили в австралийскую армию. Но когда Самуилу надо было принять присягу, он наотрез отказался делать это как русский подданный и обратился к австралийским властям с просьбой о натурализации с тем, чтобы он мог принять присягу как австралиец. «Я считаю, что стать солдатом — это мой долг перед Австралией, страной, которая усыновила меня, — взывал он к австралийским властям. — Я хочу вступить в армию именно как британский австралийский солдат, а не как русский. Я считаю себя евреем, а не русским, и принадлежу к британскому народу, чувства и убеждения которого я полностью разделяю и в чьей цивилизации я был воспитан».

И хотя для вступления в австралийскую армию русские не нуждались в австралийской натурализации, да и, кроме того, австралийские власти в это время наложили полный запрет на натурализацию молодых россиян, для Самуила сделали исключение — ему срочно была оформлена натурализация, и он принял присягу как австралиец вместе со своими однокашниками из Мельбурнского университета, которые тоже вступали в армию³⁰. К сожалению, жизнь его трагически оборвалась еще до отправки на фронт — он погиб, когда его мотоцикл столкнулся с трамваем.

История двоюродного брата Самуила — Нормана Майера — дает, казалось бы, этой семейной саге счастливый конец. В австралийской армии он прошел путь от рядового до лейтенанта³¹. Он унаследовал «Майер Эмпориум» и под конец жизни стал кавалером одного из высших английских орденов (Knight Bachelor) с титулом сэра³². Но и у него был свой счет к его белорусскому прошлому. Он о нем никогда не говорил. Его дочь Памела узнала, что ее отец родился в России, только когда ей пришла пора заполнять анкеты для получения паспорта. И никто в семье Нормана не знал, что в Израиле все эти годы жила его мать, которую он всю жизнь финансово поддерживал. Его внук, мельбурнский журналист Род Майер, пишет в своем очерке: «Отец Наума умер, когда ему было 6 месяцев. Его мать, чтобы поддержать семью, должна была снова выйти замуж. Ее муж был так жесток, что мальчик часто убегал из дома и прятался в лесу, пока холод и голод не заставляли его возвращаться. Спасение пришло в виде билета в Ав-

³⁰ NAA: A1, 1917/18708, Samuel Ettingove Naturalization.

³¹ NAA: B2455, Myer Nahum.

³² NAA: A463, 1958/3057 Norman Myer — Civil honour.

стралию от Сиднея и Элкона Майеров»³³. Отныне прошлое осталось в прошлом. Он будет молчать о нем, как и его белорусский сверстник Александр Майко, которого так же жестоко истязал отчим совсем недалеко от тех мест, где провел детство Наум.

Но вот Хаим Самойлович Платкин сделал другой выбор. Он родился в Рогачеве, в той же Могилевской губернии, откуда происходили и Майеры. Как и они, он покинул родину в молодости, еще в конце XIX века, и прожил 20 лет в Англии, где он стал театральным антрепренером, известным под именем Эдвард Платт. Под этим именем он приехал в Австралию в 1914 году в качестве импресарио молодых музыкантов Чернявских. В австралийскую армию он решил вступить под своим подлинным именем Хаим Самойлович Платкин — из патристических соображений, как знак солидарности с воюющей Россией³⁴. Он еще не знал, какую цену ему придется за это заплатить...

С горечью вспоминал о своей родине и Семен Сучков. Когда в 1922 году власти потребовали от него подписать документ об отречении от прежнего гражданства (эту формальную процедуру проходили все иммигранты при натурализации в Австралии), Сучков написал об этом глубоко личные слова: «Что до отречения от моего прежнего гражданства, я могу только сказать, что в душе я это сделал давным-давно, и сделать это на бумаге мне не составит труда»³⁵.

Я принимаю и уважаю выбор каждого из них — Эттингова и Сучкова, Майера и Платкина. Ведь это был наш жестокий двадцатый век, который заставлял их делать такой выбор.

В сознании россиян великой войной стала Великая Отечественная, которую на Западе называют второй мировой. Но у Запада была тоже своя Великая война — так здесь традиционно именуют первую мировую. В нашем сознании значимость, трагизм и символизм той далекой войны затмили обрушившиеся вскоре на нашу страну революции, гражданская война, голодомор, сталинизм и, наконец, беспрецедентная трагедия Великой Отечественной войны. Но, пожалуй, двадцатый век, мандельштамовский век-волкодав, начинает свой отсчет именно с первой мировой, которая стала концом поступательного, рационального развития предшествующих столетий.

Когда заходит речь о службе россиян в австралийской армии в первой мировой неизбежно возникает вопрос — почему они вступали в эту, в общем-то чужую им армию? Ответы тут будут разными, как

³³ R. Myer, In search of my Jewish soul, *Sydney Morning Herald* (Good Weekend magazine), 12 августа 1995, с. 50-55.

³⁴ NAA: B2455, Platkin Haim Samoilovich.

³⁵ NAA: A1, 1923/4646, S. Simon Sutchkoff Naturalization.

разными были и судьбы анзаков. Евреи, родившиеся в России, но выросшие в Англии — «британцы по духу» — вступали в армию в числе первых, побуждаемые патриотизмом и стремлением выполнить долг перед империей. Среди них можно назвать моряка Оскара Чарльза Зандера из Вилейки, который оставил родину еще подростком и много лет служил на английских кораблях³⁶. Развозчик хлеба Барни Саклов, семья которого происходила из Речицы, вырос в Глазго, в Шотландии; при вступлении в австралийскую армию он даже попытался выдать себя за британца³⁷. В 14 лет приехал в Австралию Джон Голдберг из Гродно; в то время как большинство евреев оседали в городах, он стал настоящим «бушменом», т.е. жителем «буша» — так в Австралии называют отдаленные внутренние районы страны. Гандагай, Аделонг, Бурова, Даббо — места, где он работал, выступают в сознании австралийцев как олицетворение глубинки, пронизанной узами братства. Не удивительно, что Голдберг, ставший частью этой земли, стремился вступить в армию. Когда его отчислили из-за слабого здоровья, он вступил снова, но до фронта не добрался, тяжело заболев по дороге в Англию³⁸. Патриотизмом были полны и племянники Майеров, с которыми мы уже познакомились.

Не чужды были идейные соображения при вступлении в армию и белорусам. Например, на вступление в армию Семена Сучкова повлиял тот факт, что четыре его брата вступили в русскую армию с началом войны. Годы спустя он писал: «Я был готов отдать свою жизнь за эту страну, принявшую меня, как своего сына, когда она во мне нуждалась»³⁹. У Лео Берка два брата тоже вступили в русскую армию и погибли на войне. Уже после войны он уверял, что он и его товарищи «пошли на фронт не за 6 шиллингов, а чтобы отдать свои жизни в борьбе за Россию и ее союзников в этой великой мировой войне за демократию и мир»⁴⁰.

Но 6 шиллингов, которые платили австралийским солдатам за день службы, тоже были немаловажным стимулом — ведь многие иммигранты в то время занимались тяжелым физическим трудом — на шахтах, на рубке сахарного тростника, на строительстве железных дорог. С началом войны началась безработица, причем иностранцев

³⁶ NAA: B2455, Zander Charles Oscar.

³⁷ NAA: B2455, Sacklove Barney.

³⁸ NAA: A1, 1922/18271, John Goldberg Naturalization; NAA: B2455, Goldberg John.

³⁹ S. Sutchkoff. In self-defence and concerning freedom. (Public opinion). — *Advocate*, Burnie, Tas., 14.04.1945, с. 6.

⁴⁰ L. Berk *et al.*, “Russian Soldiers” Protest, *Daily Mail* (Brisbane), 5.09.1918, с. 8; 17.09.1918, с. 7.

увольняли в первую очередь. Барбара, дочь Устина Гловацкого, вспоминает: «Отец добрался до Рокхемптона на корабле зайцем и стал подумывать, что лучше бы как-то вернуться в Россию, но у него не было денег. И тут он услышал, что набирают солдат в Дарданеллы, они тогда говорили, что войну эту закончат очень быстро, и он подумал: „Я сяду с ними на корабль, мы кончим войну, а оттуда недалеко и до дома в Жабинке дойти”. Получилось-то все совсем не так»⁴¹. К этой истории из семейного фольклора можно добавить, что в армию Гловацкий вступил с целой группой россиян, в том числе с белорусом Андреем Жабинским из Борисова и Иосифом Рудецким из-под Киева. Рокхемптон — городок на севере Квинсленда, который окружают поля сахарного тростника. С окончанием сезона рубки тростника русские и записались в армию.

Особую группу составляли моряки. Иногда, с началом войны, корабли интернировали или капитан, решив, что продолжать плавание дальше невыгодно и небезопасно, рассчитывал всю команду. Иногда россияне дезертировали со своего корабля. Так, например, произошло с Фавстом Леошкевичем, прибывшим Австралию с грузом досок из Либавы. Его сын Леон рассказывает: «Пришвартовавшись, они узнали, что разразилась мировая война, и тогда они с Васей Грешнером сбежали с корабля. Капитан обратился в полицию, чтобы те нашли его дезертиров. Полиция их нашла, но то, что было дальше, совсем не похоже на наши нравы, потому что полицейский дал каждому из них по пол кроны и посадил их в дилижанс, который отправлялся на запад, в городок Колэк. Наверно это был неофициальный способ заполучать иммигрантов для Австралии!»⁴² Через несколько месяцев, помыкавшись без работы, Леошкевич вступил в армию. Подобную историю помнит и внук Вильяма Деонка: «Дед был русским торговым моряком, приплыл сюда на корабле, и как все хорошие мальчики он оставил корабль, гулял в городе, а корабль тем временем ушел. Тогда австралийские власти его поймали как нелегального иммигранта и сказали ему: „Вот тебе выбор — или мы тебя вышлем в Россию, или отправим в Европу, сейчас там завязалась маленькая война, так месяца на три”. И он подумал: „Ну что ж, вступлю я в армию, повоюю три месяца в Европе, и я свободен, они должны будут вернуть меня сюда, и уже ничего мне не сделают за то, что я сбежал с корабля”. Но ему и в голову не пришло, что ему придется пройти всю войну от начала до конца»⁴³.

⁴¹ Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

⁴² Письмо Леона Леошкевича, 2.10.2001.

⁴³ Интервью с Робертом Деонком, 1.08.2001.

Галлиполи

Хотя Австралийская армия начала комплектоваться со дня объявления войны в августе 1914 года, но пороха австралийским солдатам по-настоящему довелось понюхать только начиная с апреля 1915 года, с высадки в Галлиполи. Символом героизма австралийцев в Галлиполи стали не громкие боевые победы, а повседневный героизм простого австралийского солдата Симсона, служившего в медицинской части. В первые дни после высадки, когда потери были колоссальными и царила общая неразбериха, он нашел где-то заблудившегося ослика и, пробираясь с ним на передний край, где лежали раненные, стал вывозить их на ослике вниз к морю, в медсанбат. За свое бесстрашие, презрение к смерти и верность воинскому долгу, а вернее долгу товарищества (он работал самостоятельно, на свой страх и риск), Симсон, «парень с осликом» стал легендой еще при жизни. А жизни было ему отпущено после высадки чуть больше трех недель. В конце концов его сбила пулеметная очередь. Ныне статуя этого удивительного паренька с осликом приветствует посетителей у входа в Австралийский военный мемориал в Канберре — самом святом месте для австралийцев.

... Начиная собирать материалы об анзаках, мне казалось, что это часть далекой легендарной истории, что между нею и нашим временем глубокая пропасть. Но внезапно зазвучали голоса наших анзакв.

«Как-то зимой мы сидели дома вокруг стола и ели горячую картошку, — вспоминает Барбара, дочь Устина Гловацкого, — и я говорю: „А нам сегодня в школе весь урок рассказывали об одном замечательном человеке, герое Галлиполи Симсоне”. И тут мой отец покраснел и как закричит: „Об этом идиоте! Да он погубил больше людей своим дурачеством, чем спас! Он бывало несет носилки, а как завидит турок, начнет дразнить их, прыгать туда-сюда и покрикивать „Вот я где!”, а турки в это время раненого, которого он нес, и добьют. Сколько же осликов и раненых погибло из-за его дурачности. Мне довелось поработать санитаром вместе с ним, и когда был мой черед идти с ним в паре, я притворялся, что у меня колики в животе, только бы не оказаться вместе с ним. Ничего не было опаснее, чем идти вместе с ним»⁴⁴.

История жизни самого Устина Гловацкого была полна необычайных приключений. Бывший студент, замешанный в политику и поэтому бежавший из России, и в то же время правнук, если верить семейному преданию, крупного землевладельца с тремя тысячами крепостных, Устин начал свою карьеру в австралийской армии в качестве по-

⁴⁴ Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

вара. На корабле его назначили ординарцем «смотреть за офицерами и чистить им обувь, — рассказывает его дочь. — Они видели, что он был джентльменом, он знал, что такое культура»⁴⁵. В Галлиполи его направили в группу санитаров-носильщиков, т.к. он был невысокого роста. Однажды он вынес из боя тяжело раненного офицера. Когда офицера переносили на санитарный корабль, тот спросил имя спасшего его санитаря. Позже оказалось, что этот офицер был родственником Франка Савери, впоследствии ставшего британским послом в Польше. Франк Савери не раз будет помогать Устину Гловацкому в дальнейшем, и в конечном итоге спасет его семью в годы второй мировой войны, но не будем забежать вперед и вернемся в Галлиполи. Кстати, что до ослика и Симсона, то мне пришлось разрушить семейную легенду — оказалось, что Гловацкий высадился в Галлиполи к тому времени, когда Симсон уже погиб. Впрочем, и на его долю достались другие «Симсоны» и другие ослики...

«Он как-то сказал, какой страх они испытали, когда оказались в Галлиполи и увидели все вокруг, — а это уже голос Дороти, дочери Вильяма Деонка, — и я подумала: „Ого! Моего отца не так-то просто напугать, должно быть, это было что-то действительно ужасное”». В составе 17 батальона он находился в Галлиполи с августа 1915 года и одним из последних покинул пост. Деонк удостоился специальной награды за мужество в Галлиполи — Военной Медали. Его командир, лейтенант-полковник Е. Т. Мартин, писал о нем: «В качестве гранатометчика на Квин Пост, где обстрел был исключительно интенсивным, Вильям Деонк проявил себя надежным, горячим и энергичным бойцом. Нельзя переоценить влияние его поведения на его товарищей — он никогда не унывал, как ни тяжела была обстановка». Это была удивительная характеристика, особенно в отношении иностранца, для которых командование редко находило хвалебные слова. Камнем преткновения было, конечно, непонимание ими команд на английском языке. «А как же его английский? — спросила я Дороти, зачитав ей этот документ. — Ведь он едва знал его». «Это его не беспокоило. Он говорил на ломаном английском, но он мог общаться с кем угодно, такая уж у него была натура»⁴⁶.

Всего же в галлиполийской операции участвовало восемь уроженцев Беларуси. Двое — Зандер и Зиневич участвовали в знаменитой высадке 25 апреля 1915 г.; через три месяца Зиневич был ранен в локоть,

⁴⁵ Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

⁴⁶ Интервью с Дороти Эйлес 13.08.2001; Australian War Memorial = Австралийский военный мемориал (далее: AWM) 28, Collection 2, 17th Battalion, Deonck W4.

Устин Гловацкий

его эвакуировали в госпиталь на Мальте, но поправившись он снова вернулся в свой батальон на Галлиполи⁴⁷. В августе-сентябре из Австралии пришли подкрепления, в числе которых были наши знакомые — Деонк, Саклов, Гловацкий и Жабинский. Последними высадились Давид Робин и Томас Тарасов из Минска. В конце декабря командование решило вывести войска союзников с Галлиполи, где сложили свои головы тысячи солдат...

⁴⁷ NAA: B2455, Zenewich Paul.

На Западном фронте

После переформирования австралийских войск в Египте в начале 1916 года их стали перебрасывать на Западный фронт — во Францию и Бельгию. Александр Майко, который в конце 1915 года остался без работы в Сиднее, оказался среди новых подкреплений. Его рассказ об армейской службе звучит прозаически, это та же работа, к которой он привык с раннего детства, разве что пейзаж другой, но и на него Александр смотрит глазами крестьянина: «В январе 1916 года я вступил в армию, начал жизнь солдата, и отбыл из Австралии в марте. Мы зашли по пути в Коломбо и Аден, а затем через Суэцкий канал в Порт-Саид. Оттуда нас перебросили в Тель-эль-Кебир. Там мы были 3 недели. Вокруг была пустыня, песок и больше ничего, днем было очень жарко, а ночью — холодно. Мне не давали увольнительной, и я на свой страх и риск отправился на денек посмотреть Каир, к счастью меня за это не оштрафовали. Из Тель-эль-Кебира нас отправили поездом в Александрию. Земля вокруг была славная, и благодаря орошению рос хороший урожай. Из Александрии нас на корабле повезли через Гибралтар в Плимут в Англии. Мы прожили три месяца в лагере около Салсбури. Стоунхедж был недалеко от нас. Я получал увольнительную три раза и ездил в Лондон, а потом нас отправили во Францию. Где-то в ноябре 1916 года наши пополнения присоединились к батальону в Армантьере, а через 12 месяцев я получил 10-дневный отпуск в Англию»⁴⁸.

И ни слова о кровавой мясорубке, что творилась вокруг него на Западном фронте. А потерь тут было много. Хотя участок фронта в районе Армантьера, где их первоначально разместили, считался относительно спокойным (солдаты называли его «детским садом»), артобстрелы противника привели к первым жертвам. 16 апреля 1916 года, едва прибыв на фронт, от тяжелых шрапнельных ран скончался ветеран Галлиполи Давид Калмен Робин из Белостока в Гродненской губернии. Он приехал в Австралию в юности, еще в 1903 году, натурализовался, занимался торговлей сначала в Перте, а затем в Сиднее, побывал в Новой Зеландии и Америке. Незадолго до начала войны он женился на австралийке. Вероятно, он был из тех, для кого Австралия стала домом, и они пошли на войну из чувства долга перед этой страной. Хотя он был евреем, вступая в армию он сделал прочерк в графе религия. Он стал таким же, как его австралийские собраты по армии, и вместе с ними во время короткой передышки в Египте сбежал из лагеря погулять в городе, — австралийские солдаты славились своей бесшабашностью, — за что

⁴⁸ А. Майк, *История моей жизни*.

и был оштрафован, но хорошо, что у него были хоть эти беззаботные дни... Австралийцы чтят Робина как первого австралийского еврея, павшего на Западном фронте⁴⁹. Мы можем добавить, что он был и первым павшим там нашим земляком, уроженцем белорусско-польского пограничья. Вскоре получил перелом черепа и Петр Зиневич, однако он поправился, вернулся в строй, и был назначен капралом⁵⁰.

В кровопролитных боях за плацдарм у французского городка Позьер был ранен ветеран Галлиполи Барни Саклов⁵¹, а Чарльз Оскар Зандер из Вилейки был убит здесь 22 августа 1916 года. Его вдова Этель Агнес писала: «Я знала его много лет, но так и не удосужилась узнать побольше о его жизни. Я знаю, что с детства, после смерти матери, его растила бабушка, и в 16 лет он остался совсем один». Еврей, он англизировал свое имя, стал моряком, овладел искусством навигации и работал на кораблях в Англии и в Австралии. В Англии же он женился на Этель, вдове с двумя детьми. Война застала Зандера в Австралии. Вступив в армию в самом начале войны, он после высадки в Галлиполи успешно провоевал там весь 1915 год — таких счастливчиков было немного. Его боевой опыт был отмечен тем, что на Западном фронте ему присвоили звание капрала. Но прежде, при передислокации из Египта во Францию, во время недолгой остановки в Англии, ему удалось навестить Этель⁵². Они не знали, что расстанутся навсегда.

Чарльз Бин, автор многотомной «Официальной истории Австралии в первой мировой войне», пишет о том, что пришлось испытать солдатам, находившимся под непрерывным обстрелом в открытых траншеях. Он в частности рассказывает о «русском из 9 батальона», который «во время бомбардировки ... рыл землю как терьер, голыми руками, стоя на коленях, временами скуля, в отчаянном стремлении спасти своих товарищей, засыпанных землей. Когда его, наконец, самого засыпало землей и он был откопан, он бросился бежать прочь с передовой»⁵³. Не об Устине Гловацком ли он писал? Здесь во время взрыва засыпало землей его друга Андрея Жабинского, он был тяжело контужен и отправлен в Англию⁵⁴. Барбара, дочь Устина, вспомнила один из его рассказов, который возможно и относится к страшным дням битвы за

⁴⁹ NAA: A1, 1905/5372 David Kalmen Robin — Naturalization; B2455, Robin David Kalmer.

⁵⁰ NAA: B2455, Zenewich Paul.

⁵¹ NAA: B2455, Sacklove Barney.

⁵² NAA: B2455, Zander Charles Oscar.

⁵³ *The Official History of Australia in the War of 1914-1918*. Vol. 1. Bean C.E.W. *The Australian Imperial Force in France. 1916*. Sydney, 1937, с. 598.

⁵⁴ NAA: B2455, Jabinsky Andrew.

Позьер: «Как-то мы сидели все вместе после обеда и мама почему-то сказала: „Ты должно быть был очень смелым на войне”, и он ответил: „Я не хочу, чтобы ты думала, что я был смелым. Однажды нас вызвали в атаку, а я не мог заставить себя выбраться наверх из окопа. Я обхватил голову руками, чтобы ничего больше не слышать...”»⁵⁵.

Огромное напряжение, испытанное участниками этого сражения, имело трагические последствия и после того как их подразделения отводили с передовой. Такой стала судьба Вячеслава Ковальского. Вступая в армию, он указал местом своего рождения Москву, но вполне вероятно, что это не соответствовало действительности, и он был белорусом. Он приехал в Австралию в 1912 году с волной русских дальневосточных эмигрантов и работал здесь разнорабочим. Первая его попытка вступить в армию не увенчалась успехом, но в июле 1915 года его наконец-то приняли. Его боевым крещением стал Позьер. После битвы за Позьер его зрение стало резко ухудшаться, его отправили в Англию и в ноябре, почти слепого, демобилизовали в Лондоне. Через три дня после Рождества он покончил с собой. В полицейском донесении говорилось, что «в этой стране у него не было друзей». Никого не было у него и в Австралии, кроме девушки по имени Джин Пауер из Тувумбы. Его имя не значится среди имен австралийцев, погибших в войнах и выбитых на стенах Австралийского военного мемориала, да военные и не пытались записать его имя правильно — в одних документах он назван Вачалаф Ковальский, в других — Вачелар Кавольский...⁵⁶.

Здесь, в Позьере, мы снова встречаемся с бесстрашным Вильямом Деонком, которого перевели во взвод гранатометчиков. Во время боев за город он был ранен в плечо, контужен и отправлен в Англию. Свою высокую награду за мужество, проявленное в Галлиполи, военную медаль, он получил уже находясь в Англии на поправке⁵⁷.

В начале 1917 года в боях за Лагникур был ранен Джон Матвейчик, а несколько месяцев спустя отравлен газом Лео Берк. В строй они уже не вернулись и были эвакуированы в Австралию. Оба они происходили с территории белорусско-польского пограничья.

Одним из важных сражений 1917 года стала Мессинская операция, в целом успешная. Здесь был ранен в ногу Осип Рынкевич. Вступая в армию, он указал, что родился в Витебске, однако вернувшись с войны он натурализовался как уроженец Томска. В Томской губернии, в районе станции Болотное действительно жил его отец Иван Рынке-

⁵⁵ Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

⁵⁶ NAA: B2455, Kovalsky Vachalar.

⁵⁷ NAA: B2455, Deonck William.

вич — то ли сосланный, то ли сам переселившийся сюда. Их, учитывая русскую, а не польскую форму имен, которую использовал Осип, можно считать белорусами или обрусевшими поляками из Беларуси. Осип Рынкевич, судя по почерку, неплохо образованный молодой человек, приехал в Австралию в 1913 году с волной русских переселенцев. Однако, в отличие от других россиян, которые оседали преимущественно в Квинсленде, он поколесил по всей Австралии — работал в Сиднее, в Порт-Пири, где было рудоплавильное производство, а затем добрался до Дарвина на Северной территории, а оттуда с группой русских он отправился работать на скотобойне в Уинхаме, в одном из самых отдаленных районов Западной Австралии. Однако через несколько месяцев он вернулся в Дарвин и вступил в армию вместе с Джоном Гуральским — поляком, долго прожившим на Дальнем Востоке⁵⁸.

После завершения Мессинской операции началось крупное наступление у Ипра. Григорий Кунин из Воложина погиб здесь вместе с девятью другими солдатами 19 сентября 1917 г., накануне наступления. Они находились на дозорном посту и погибли при прямом попадании бомбы. Его командир писал: «Я отправился к месту взрыва с тремя солдатами, и мы откопали тела Кунина, Кокса и Норткота, а также неузнаваемые останки других, которых разорвало на куски». Их похоронили всех вместе, поставив крест над братской могилой, хотя Кунин был евреем. Бен Гоффин, другой еврей из Подолии, который вступил в армию и служил вместе с Куниным, писал: «Он был невысоким смуглым парнем, крепко сложенным, с темными вьющимися волосами. Он был моим закадычным другом». Товарищи называли его Рэшер (Rasher), вероятно по ассоциации со словом Russian. Даже будучи в армии Кунин помогал своей сестре Лие, жившей в Мельбурне, а в Воложине у них осталась мать. В досье Кунина, хранящемся в архиве, есть несколько страничек послевоенной переписки его матери, Баси Кункиной, с военными властями, которые уточняли ее адрес для пересылки медалей. Сквозь скупые строки ее письма, искаженные многократным переводом — с еврейского на польский, а потом на английский — слышится неизбывное материнское горе: «Я хочу иметь что-нибудь на память о нем, потому что он сын мой. Вы спрашиваете можете ли вы хранить медали, но я хочу иметь память о нем»⁵⁹.

Революции 1917 года в России — сначала февральская, а потом октябрьская — привели к массовому братанию на русских фронтах и вы-

⁵⁸ NAA: A1, 1923/10968, Osiph Rinkevich Naturalization; B2455, Rinkevich Osiph.

⁵⁹ NAA: B2455, Kunin Gregory; AWM: 1DRL/428, wounded and missing. Kunin Gregory 5043.

Осип Рынкевич (слева сзади) с русскими сослуживцами
вскоре после вступления в армию

ходу России из войны в начале 1918 года. В результате немцы смогли передислоцировать значительные силы на западный фронт и 21 марта начали крупное наступление в районе Аррас и Сент-Квентин. Они прорвали оборону Британской армии, расположенной в этом секторе, и заняли территории, где шли кровопролитные бои в 1916 и 1917 годах. Австралийские войска во время этого кризиса сражались бок о бок с англичанами на различных участках фронта. Особенно жаркими были бои 5 апреля, где австралийские войска защищали участок фронта около Дернанкурта, близ Амьена. Немцы прорвались через австралийскую оборону, и хотя они были в конце концов остановлены, австралийцы понесли большие потери. 47 батальон Семена Сучкова, который прибыл во Францию всего за месяц до этого сражения, оказался в центре удара противника. Сучков, как и многие его соратники, попал в плен. В немецком плену им пришлось голодать, и, поскольку у него не было родных в Австралии, заботу о нем взял на себя австралийский Красный Крест, в то время как его превосходное знание немецкого языка оказало неоценимую помощь его товарищам по несчастью⁶⁰.

Незадолго до этого сражения был отравлен газом Фавст Леошкевич, он был эвакуирован в Англию, немного поправился и снова вернулся на передовую, где попал в газовую атаку во второй раз. Для него это был конец войны — вместе с другими ранеными его наконец отправили в Австралию⁶¹. 19 мая 1918 года в бою под Корби был тяжело ранен Александр Майко. Кусок шрапнели застрял у него в груди. В своих воспоминаниях он был, как всегда, краток: «12 недель я пролежал в госпитале во Франции, потом полгода в госпитале Хэирфилд в Англии. Я еще был лежачим больным, когда меня привезли на госпитальный корабль в Сидней, и меня сразу отправили в госпиталь в Рэндвике. В общей сложности я провел в госпиталях 17 с половиной месяцев, и после всего этого госпиталь стал казаться мне домом»⁶². Эти месяцы на чистой больничной койке были первым периодом в его жизни, когда он не работал, когда о нем заботились. Не случайно в его армейском альбоме сохранились именно госпитальные снимки.

Уже в самом конце войны, в сентябре 1918 г., в битве за Перон был тяжело ранен Осип Рынкевич. На этот раз он получил ранения в голову и в левую руку во время бомбежки. Как и Майко он был эвакуирован в английский госпиталь, а потом в Австралию. Его внука,

⁶⁰ AWM, 3DRL/428 POW, Box 202. 7339 Pte Simon Sutchkoff.

⁶¹ NAA: B2455, Leoshkevitch Faust.

⁶² А. Майк, *История моей жизни*.

Мари, рассказывает, что Осип никогда не говорил о войне. Только раз, в ответ на ее вопрос, он сказал: «Война ужасна» и рассказал ей о траншеях, полных крови и частей человеческих тел. Помолчав, он добавил: «Никогда не отпускай на войну своих сыновей»⁶³.

11 ноября 1918 года война была закончена. Горстку белорусов, которые еще оставались на Западном фронте — Виселенский, Прусов, Саклов, Тарасов, Мирский, Пашкевич, Гурасов, Вольфсон, Тортсан, Майер — отправили в Австралию. К ним присоединился и Семен Сучков, освобожденный из немецкого плена.

Трое наших земляков — Робин, Зандер, Кунин — навсегда остались на полях сражений, четвертый — Самуил Эттингер — умер в Австралии, не успев попасть на фронт. Имя каждого из них увековечено на стене Австралийского военного мемориала в Канберре. Имя одного — ослепшего Вячеслава Ковальского, покончившего с собой в Лондоне, — не попало в ряды героев.

Уроженцы Беларуси служили во многих подразделениях Австралийской армии. В своей службе они редко поднимались выше чина рядового, что было связано с их слабым знанием английского языка. Не удивительно, что большинство из них служили в пехотных батальонах; Виселенский и Пашкевич попали в саперные подразделения — рыли окопы, подвозили на лошадях снаряды. Мирский работал пекарем в полевых кухнях. Тем не менее несколько из них служили в «элитных» частях. Жабинский и Тортсан стали пулеметчиками. Вильяма Деонка, когда он из-за ранения не смог вернуться на передовую, определили служить в военную полицию — редкая честь для россиянина в Австралийской армии, — и присвоили чин капрала. Прусов освоил профессию механика в авиационном отряде⁶⁴. Но самую блестящую карьеру сделал Норман Майер: начав службу 20-летним студентом в чине рядового, он закончил ее лейтенантом, командующим колонной амуниции⁶⁵.

Да, белорусы служили в Австралийской армии так же, как и австралийцы. Превозмогая страх, они поднимались в атаки как пехотинцы, рыли окопы и туннели как саперы, выносили с поля боя раненых как санитары, доставляли боеприпасы под огнем противника как погонщики лошадей... Процент потерь среди них был такой же, как по Австралийской армии в целом. И все же их ноша была порою тяжелее, чем у их австралийских соратников, тяжелее на неизмеримую величину — быть чужаком среди австралийцев.

⁶³ NAA: B2455, Rinkevich Osiph; Е-маил Мари Рынкевич, 19.03.2010.

⁶⁴ NAA: B2455, Mersky Joseph; B2455, Jabinsky Andrew; B2455, Tortson Max; B2455, Deonck William; 455, Proosov Isaac.

⁶⁵ NAA: B2455, Myer Nahum.

Устин по прозвищу Ю-и

Барбара Гловацкая на мой вопрос: «Каково приходилось россиянину в австралийской армии?» саркастически рассмеялась: «Чертовски плохо, судя по тому, что я слышала от отца... Он был интеллигентным человеком, а они сделали его денщиком, потому что, конечно, у него были проблемы с языком и они никак не могли разобраться, русский он или немец. Они даже его имя не могли написать правильно. Еще в лагере, когда они тренировались, он перепутал правую и левую ногу. Вот тогда он и получил свою кличку Ю-и (Yuhi), которая возникла от окрика «Ты, тут!» ('You here!'). Они никогда не слышали имя Устин, вот они и начали обращаться к нему «Ты, тут!», а потом сократили до Ю-и. Он любил это имя. Он сохранил его и во время службы во второй мировой войне. Все друзья звали его Ю-и»⁶⁶. Действительно, через австралийские документы проходит внушительный список имен Устина: он въехал в Австралию как Inshitin Growatshiki, в армии служил как Usten Glavasky, натурализовался как Justyn Glowacki и умер как Justin Glowacki. Со злоключениями фамилий Виселенского и Майко мы уже познакомились; такие же приключения происходили и с другими именами: фамилия Павла Зиневича писалась в трех вариантах: Zenewich, Zemewich, Zinevich; фамилия Болеслава Збыковского — в четырех: Zebekovski, Zbecovsky, Zbiciously, Zlicousky⁶⁷.

Но, как видно из рассказа Барбары, отношение солдат к несовершенному английскому их российских сослуживцев было скорее юмористическим, чем насмешливым. Не даром ее отец полюбил свою армейскую кличку. Леон, сын Фавста Леошкевича рассказывает: «Как мой отец справился с английским языком в армии, оставалось для меня тайной, пока он не рассказал мне о человеке, с которым он там подружился: тот был учителем до войны и много занимался с моим отцом»⁶⁸.

Отношение австралийских властей к россиянам, вступающим в Австралийскую армию, на первых порах было доброжелательным — ведь Россия была их главным союзником. Их принимали даже без натурализации, да и на слабое знание английского языка смотрели сквозь пальцы. В отношении уроженцев Беларуси мне встретилось всего несколько случаев чрезмерной бдительности. Так, Петру Виселенскому при вступлении в армию пришлось подписать под присягой такое заявление: «Мой отец и мать родились в России. Я родился в России. Среди моих предков не было немцев, австрийцев, болгар или ту-

⁶⁶ Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

⁶⁷ NAA: BP4/3, Russian Zbecovsky Boleslaw.

⁶⁸ Письмо Леона Леошкевича, 2.10.2001.

рок»⁶⁹. А вот Алексей Копин, плотник, приехавший в Австралию через Дальний Восток, не смотря на натурализацию в Австралии, попал под подозрение. Он указывал местом своего рождения Польшу, хотя отец его жил в Минске и его друзьями были русские. Наличие у него писем «на каком-то иностранном языке» и ножа вызвало подробное разбирательство у властей тренировочного лагеря в Сеймуре, Виктория, где он вступил в армию. Командующий лагеря вызвал к штабу: «Неужели ничего нельзя сделать, чтобы воспрепятствовать вступлению этих иностранцев в австралийскую армию, особенно в такие технические подразделения как пулеметные, в которых человек должен быть более развитым, чем в других подразделениях?» И добавлял, что «Копин имеет типично немецкую внешность». Копина уволили из армии, о чем он и сам к тому времени просил, а через несколько дней дело было уже в руках службы разведки. Начальник разведки в Виктории сообщал своим коллегам в Квинсленде, куда направлялся Копин: «Он предъявил мне свои бумаги и это убедило меня, что он русский поляк, натурализовавшийся в 1914 г., но я препровождаю вам информацию о том, что он почти завершил строительство лодки 34 фута длиной, которую он собирается использовать, а я всегда отношусь подозрительно к русским, похожим на немцев, которые попадают в Сеймур, изучают пулеметное дело, а потом увольняются из армии»⁷⁰. Комментарии, как кажется, излишни. Неясным остается только, куда, по мнению разведки, Копин мог поплыть на своей лодке...

Отзвуки подобных подозрений слышатся и в семейном предании Деонков. Петер, внук Вильяма Деонка, героя Галлиполи, считает, что хотя его дед получил военную медаль, «не будь он „refo” [т.е. иммигрантом], он бы получил более высокую награду»⁷¹.

Особенно подозрительным стало отношение к россиянам после Октябрьской революции. Ведь выйдя из войны, Россия в одночасье стала для союзников врагом едва ли не большим, чем Германия. Но в то время как командование «вычистило» из армии несколько россиян, в том числе и нашего Устина Гловацкого, и отправило их до срока в Австралию, отношение сослуживцев к ним было совсем другим.

Например, Фавст Леошкевич к этому времени уже успел стать настоящим анзаком, своим парнем, который за словом в карман не лезет, который не теряет присутствия духа в самую тяжелую минуту, и умеет пошутить в самый критический момент. Леон рассказывает: «Во время боя моего отца ударило взрывной волной так сильно, что

⁶⁹ NAA: B2455, Wishkenlski, Pete.

⁷⁰ NAA: B2455, Kopin Alexis; MP16/1, 1917/808, Kopin, Alixis AIF.

⁷¹ Интервью с Робертом Деонком, 1.08.2001.

всю одежду с него сорвало. Когда он пришел в себя, ему ничего не оставалось, как снять одежду с трупов, лежавших рядом с ним, потому что холод был собачий. В таком наряде он и двинулся в сторону наших окопов пока не наткнулся на свой взвод. На нем были короткие брючки, французская серая шинель, английский шлем, и в довершение ко всему немецкое ружье. Увидев своих он закричал: „Вот этим ружьем я их всех взял в плен”. Ну и смеялись же они, эта история стала их любимой байкой!». Не удивительно, вспоминает Леон, что его отец «всегда говорил, какими чудесными людьми были наши ребята в армии, солдаты, обычные солдаты. Он так считал, потому что, когда в России произошла революция, никто не говорил с ним об этом, и он думал, что это было просто замечательно»⁷². Не колоть глаза товарищу тем, за что он не может нести ответственности — оказывается это так много, что и сейчас, 86 лет спустя, его сын не может без волнения говорить об этом... Это и было легендарное австралийское боевое братство („mateship”) в действии, которым так гордятся анзаки. Включение в это братство не приходило сразу, его надо было завоевать, сражаясь бок о бок со своими австралийским товарищами.

Архив фотографий, сохранившийся в семье Осипа Рынкевича, рассказывает именно об этом. Вот первые снимки, сделанные в лагере в Брисбене, еще до отправки на фронт. Осип, в военной форме, позирует с группой своих русских товарищей, с которыми он познакомился уже в лагере. А на фронтовых снимках, которыми он обменивается со своими сослуживцами, портреты русских анзаков перемежаются с его австралийскими друзьями. Об армейской дружбе отца вспоминает и дочь Александра Майко: «Эллит Смит был его другом с армейских времен и они остались друзьями на всю жизнь»⁷³.

Да, такую дружбу, как и военную медаль, надо было завоевать, а это было совсем не просто. Именно об этом и будет наша следующая история.

Фавст Леошкевич

⁷² Письмо Леона Леошкевича, 2.10.2001; интервью с Леоном Леошкевичем, 14.10.2001.

⁷³ Архив семьи Рынкевич, Квинсленд; Берил Боуэн. Александр Майк — мой отец. — Архив Берил Боуэн, Госфорд.

Анзак Гарри

Как иностранцы, как чужаки русские в Австралийской армии всегда легко попадали под подозрение, но бурный 1917 год с отречением царя и захватом власти большевиками, за которыми последовал Брест-Литовский мирный договор России с Германией, сделал положение русских особенно уязвимым. И здесь я хочу вновь вернуться к судьбе Хаима Самойловича Платкина, театрального импресарио, приехавшего в Австралию с труппой артистов накануне войны. Он развил кипучую деятельность в Австралии, организуя сбор пожертвований на военные цели и способствуя патриотической пропаганде. Он даже пытался организовать русскую военную часть в составе Австралийской армии. После того, как этот план потерпел неудачу, Платкин решил вступить в армию сам и был направлен в школу унтер-офицеров в Дантроне (в будущей Канберре). Но, рассказывает он, «к тому времени новости о русской революции дошли до Австралии, и стало очевидным, что раньше или позже Россия выйдет из игры. Учащиеся школы унтер-офицеров из-за этого стали меня бойкотировать, и мне пришлось отказаться от учебы там». В составе подкреплений к полевой артиллерии Платкин отправился на фронт рядовым, надеясь, что там он сможет работать в качестве переводчика (он знал восемь языков). «К сожалению, — продолжает он, — к тому времени, когда нас привезли в Англию, Россия заключила сепаратный мир. Мои сослуживцы сочли своим долгом вымещать свое недовольство на мне. Едва ли стоит писать о том, как со мной обращались... Они неизменно обзывали меня русским анархистом, русским шпионом и вообще держали под подозрением». Тот факт, что Платкин был интеллигентом, для которого главным оружием было слово, а не пулемет, подливало масла в огонь. Отзыв командира его батареи был прямо в точку: «Он абсолютно бесполезен в качестве пулеметчика, будучи и неспособным, и ненадежным». Не только бойцы не доверяли ему. В феврале 1918 г., когда подкрепление Платкина ждало отправки на Западный фронт из Англии, военное министерство в Лондоне было взбудоражено, обнаружив, что «некоторые австралийские солдаты вступили в контакт с мистером Литвиновым, представителем большевиков в Англии», и что среди этих солдат был Платкин, «жаловавшийся на то, как с ним обращаются в его части». Тут уж забеспокоился штаб Австралийской армии в Лондоне, предположив, что Платкин «получил от Литвинова циркуляры». Этот визит усилил подозрительное отношение австралийцев к Платкину.

Я уже говорила, что Платкин иммигрировал в Англию из Бела-

руси еще в конце XIX века и ассимилировался больше, чем многие российские анзаки. Он был известен под англизированным именем Эдвард Платт, но в начале войны он почувствовал себя патриотом России и вступил в армию под своим давно забытым именем Хаим Самойлович Платкин, как россиянин. Теперь, доведенный до отчаяния, он вспомнил о своем последнем козыре — о своих этнических корнях: «Узнав о формировании Еврейского батальона и исповедуя иудейскую веру, я, естественно, очень хотел бы, чтобы меня перевели в это подразделение», писал он своему командиру и просил, «чтобы ему дали возможность умереть достойной смертью среди его народа». Командир отнесся к его словам довольно саркастично, но, в конце концов, Платкина уволили из Австралийской армии, с тем, чтобы он вступил в Еврейский батальон⁷⁴.

...Этот рассказ ставит, как кажется, все точки над i. Перед нами человек, обреченный быть вечным изгоем, отвергнутый анзаками, да и сам разочаровавшийся в Австралийской армии. Мне не удалось найти никаких сведений о его возвращении в Австралию после войны, и я часто думала о том, как же могла сложиться его жизнь дальше. Неожиданно в архивном досье обнаружилась следующая корреспонденция, появившаяся в одной из австралийских газет в июне 1948 года:

«В арабском лагере для интернированных Баалбек (Сирия) находится «Анзак Гарри», раненный в Галлиполи во время службы в составе артиллерийского подразделения Австралийской армии. «Анзак Гарри», настоящее имя которого Гарри Платкин, родился в России и приехал в Австралию с цирком Виртса перед первой мировой войной. Насколько мне известно, он натурализовался перед вступлением в Австралийскую армию. Он был демобилизован в Египте, откуда он отправился в Бейрут (Сирия), где он открыл бар «Анзак Гарри» на набережной. Во время второй мировой войны он пожертвовал 10 тысяч фунтов в фонд Спитфайе. Его бар был первым местом, куда заходили утолить жажду бойцы 7 Дивизии, сражавшейся в Сирии и захватившие Бейрут. Если диггер [фронтовик] был на мели, то в «Анзаке Гарри» он всегда мог получить выпивку за счет хозяина... Гарри обвиняют в сионизме... Он на самом деле христианин и не интересуется сионизмом».

Корреспонденция заканчивалась призывом к австралийским ветеранам «обратиться к ливанским властям», чтобы помочь их попавшему в беду товарищу. Это было сделано незамедлительно, и вскоре офисы премьер-министра, министра иммиграции и министра иностр-

⁷⁴ NAA: B2455, Platkin Haim Samoilovich.

Несостоявшийся анзак Хаим Платкин

ранных дел, а также верховный австралийский комиссар в Лондоне оказались вовлеченными в историю нашего «анзака». Постепенно выяснилось, что он вступил в Австралийскую армию много позже героических боев в Галлиполи, что австралийские власти отказали ему в натурализации в 1917 году (и ему об этом было послано письмо и в Австралии, и позже, когда он поселился в Сирии после первой мировой войны), что он был «владельцем пресловутого питейного заведения, которое имело большой оборот среди британских войск во время последней войны до тех пор, пока британские военные власти не прикрыли его из-за нарушения правил торговли» и т.д., и т.п.⁷⁵

Но только ли о русском еврее без гражданства, выдававшем себя за героического анзака, эта история? Она и об австралийцах, отвергнувших его, о том, что этот человек, от одной мировой войны до другой, пытался, пусть хотя бы в своем воображении, возместить то, от чего они отлучили его. И он готов был даже бесплатно поить молодых солдат за право зваться «Анзаком Гарри».

Из лагеря для интернированных его освободили в 1949 году; как сложилась его жизнь дальше — неизвестно.

После войны

Итак, война была окончена и тысячи австралийских солдат, в том числе и наши белорусские анзаки, возвращались в Австралию, к мирной жизни. Для многих она на первых порах оказалось совсем не простой. Безработица, подозрительное отношение к русским как к революционерам, запрет на возвращение в революционную Россию и на натурализацию. Последнее, правда, российских анзаков не касалось, но прежде, чем они могли натурализоваться, им приходилось подвергаться полицейской регистрации по месту жительства. При переезде с одного места в другое они должны были являться в полицейский участок и заполнять учетную карточку. Парадоксально — когда они были на фронте, им доверяли оружие и жизнь их товарищей, им даже доверяли служить в австралийской военной полиции как Вильяму Деонку, но как только они ступали на землю Австралии, они снова становились чужими, потенциально подозреваемыми. Более того, унижительной процедуре полицейской регистрации подлежали теперь не только сами русские, но и их жены, родившиеся в Англии или в Австралии. Так произошло, например, с нашим героем Вильямом

⁷⁵ R. Monson, Ex-Anzac, 80, held in Arab Camp', *Adelaide News*, 22 June 1948; NAA: A435/1, 1948/4/2237, Platkin Harry Samuilovich.

⁷⁶ NAA: A435, 1948/4/94, Deonck William.

Деонком. Прибыв в Австралию он вынужден был регистрироваться в полиции и подвергнуться этой унижительной процедуре и свою молодую жену — по дороге с Западного фронта в Австралию он успел жениться на англичанке⁷⁶.

Для историка, однако, эта полицейская регистрация — бесценный клад. Пожелтевшие карточки позволяют проследить занятия и миграции наших героев вплоть до 1921 года, когда она была отменена. Вот, например, Петр Сребаль из Виленской губернии: на Западный фронт он не попал, его отчислили из армии из-за болезней и преклонного возраста, ему было под 50 лет. Начало 1918 года застает его в Кэнангре, к югу от Брисбена. Он ненадолго заезжает в Брисбен, останавливаясь в русском пансионе Степановых, и отправляется в Дженлиа, на строительство железной дороги. Не найдя там работы он подается в Валумбиллу. Через несколько месяцев он опять заезжает к Степановым в Брисбен и устраивается на ферме под Брисбеном. В начале 1919 года он переезжает в горный район Самсонвале, возможно подрядившись расчищать лес для фермы, а в июне, захав к другой русской семье в Брисбене, Олейниковым, едет на север, в Таунсвил, рубить тростник. В конце года, к Рождеству, он возвращается в Брисбен. Неудивительно, что после нескольких лет такой кочевой жизни он покинул Австралию при первой возможности, как только русских стали выпускать из страны в 1921 году⁷⁷. Передвижения Устина Гловацкого тоже имели Брисбен своим центром; на протяжении 1918-1921 годов он работал корабельным стюардом, на строительстве дорог, поваром и садовником, перемещаясь между Брисбеном, Кулангаттой и Тувумбой⁷⁸. Наконец, в 1927 году он нанялся на корабль, шедший в Лондон. Вскоре он окажется в Польше, недалеко от своей родины — Жабинки под Брестом. Сходным образом кочевал и Болеслав Збыковский из Бреста, который пытался вступить в армию в 1916 году, но был отчислен⁷⁹. Он исчезает из австралийских архивных документов, вероятно тоже покинув Австралию.

Часто только женитьба могла изменить кочевой образ жизни русских. Андрей Жабинский, бывший инженер из Борисова, под Минском, был уволен из армии в Лондоне из-за злокачественного заболевания, в 1919 году он вернулся в Австралию после непродолжительной работы в оборонной промышленности в Англии. Следующие два года он провел передвигаясь между Рокхэмптоном, Маунт Морганом и Бабиндой, скорей всего занимаясь рубкой тростника. О последу-

⁷⁷ NAA: BP4/3, Russian Srebel P; MT269/1, Vic/Russia/Srebel Peter.

⁷⁸ NAA: BP4/3, Russian Glavasky Usten.

⁷⁹ NAA: BP4/3, Russian Zbecovsky Boleslaw.

ющих годах его жизни сведений нет, но в 1928 году он перебрался в Ньюкасл, где женился на австралийке, у них родилась дочь Клавдия и он начал работать в горнорудной компании как механик. В 1939 году он подал заявление на натурализацию; его подпись, выведенная дрожащей рукой, свидетельствует о том, что он был тяжело болен, но благодаря заботам семьи ему досталось еще несколько лет мирной спокойной жизни, и он умер только в 1951 году⁸⁰.

«Березина» среди эвкалиптов

Александр Майко, после полутора лет в госпиталях, кочевая жизнь оказалась не по силам. «Я попробовал несколько работ, но не мог на них удержаться, так как моя рана открывалась каждые три месяца», вспоминает он⁸¹. Этот кусок шрапнели так и останется у него в груди на всю жизнь, доставляя ему неизмеримые страдания, но он будет молчать об этом.

...Годы спустя его вдова Флоренс Мэй расскажет о повседневном героизме Александра в письме их детям, которое они должны были открыть после ее смерти: «Я только теперь осознала, каким отважным человеком и верным товарищем был ваш отец. Это пришло как озарение, когда я думала о нашей с ним жизни. Меня всегда беспокоило, что он был заядлым курильщиком, и я считала, что это ему очень вредит после его ранения. Он всегда сводил это к шутке и говорил, что курит, чтобы во рту было приятно. И я вспомнила, как однажды он уже лежал в госпитале, а я сидела у его кровати. Он откашлялся с большим количеством мокроты и скривился. И на мое замечание о том, что наверно вкус во рту очень неприятный, он сказал: «Никто никогда не узнает, насколько это противно, и этот вкус никогда не исчезает»... Я не поняла тогда то, что я так ясно осознала теперь. Он курил, чтобы заглушить этот ужасный вкус. Он никогда на это не жаловался, и это был единственный раз, когда он заговорил об этом»⁸².

Но вернемся к рассказу Александра:

«В 1920 году я купил 15 акров буша в Спрингфилде около Госфорда. Я расчистил половину участка и посадил апельсиновые деревья. Я раньше никогда не видел, как выращивают апельсины. В Спрингфилде я купил собаку для компании. Я построил сарай 16 x 7 футов. Пол я сделал из ящиков и под ними развелись крысы. Кровать я устроил из проволочной сетки, натянутой на колышки. ... Многие давали

⁸⁰ NAA: B2455, Jabinsky Andrew; BP4/3, Russian Jabinsky A; A659, 1939/1/16145.

⁸¹ А. Майк, *История моей жизни*.

⁸² Флоренс Майк, *Письмо детям*, 30.03.1962. — Архив Берил Боуэн, Госфорд.

мне советы, но позже я понял, что это были болтуны, которые сами ничего не имели и ничего не могли сделать, чтобы улучшить свою жизнь. И вот я расчистил несколько участков земли и посадил картошку и капусту. Картошка, когда выросла, стоила всего 2 шиллинга 6 пенсов за 100 фунтов веса, и за такие деньги ее не стоило и копать. Я уже думал бросить это место, но тут мне подвернулась работа за 3 фунта 12 шиллингов в неделю. Это немного поправило мои дела. Я проработал 15 месяцев. Во время выходных я построил себе сарай побольше, а потом снова попал в госпиталь в Рэндвике на четыре месяца. Когда я вышел из госпиталя, я не стал наниматься на работу, а начал работать на себя. Дела у меня тогда шли не плохо, и я сдал 2 с половиной акра под расчистку. Летом я выращивал помидоры, а зимой продолжал расчистку и сажал цитрусовые деревья. В 1923 году я начал строить трехкомнатный дом».

Так, извечная мечта белорусского крестьянина — зажить своим домом на своей земле — сбылась для Александра Майко в Австралии, среди холмов заросших эвкалиптами. С этого времени эта страна действительно стала для него домом. Вскоре он женился на австралийской девушке Флоренс Мэй. Он вспоминает об этих временах: «Наша мебель состояла из кровати, туалетного столика, стола и нескольких самодельных стульев. У нас с Мэй родилось двое детей и мы закончили строительство дома. В январе 1927 года мы продали наш участок, на котором к этому времени уже росло 700 цитрусовых деревьев». После этого они попытались добиться успеха в качестве хозяев фруктового магазина в Сиднее и пережили депрессию на новой ферме под Сиднеем. В 1934 году они завели птицеферму, взяв небольшой участок, заросший бушем под Госфордом. И снова он расчищал лес и строил дом... Но в его жизни была не только работа — два раза они устроили себе отпуск: в 1931 году они провели несколько недель в Мельбурне, а в 1939 году — в Брисбене⁸³. В 1960 году, незадолго до своей смерти, он отложил небольшой капитал для учебы своих детей, им предстояло осуществить его мечту о лучшей жизни, которая не досталась ему. Но все-таки, по большому счету, это была счастливая жизнь, такая же счастливая как и у его австралийского собрата Берта Фейси, который в это же самое время расчищал лес под свою ферму на другом конце Австралии, под Пертом.

Наши анзаки и их австралийские братья по оружию по существу были последним поколением австралийских пионеров, которым довелось осваивать австралийскую целину. Незримые нити все больше привязывали их к этой суровой и прекрасной земле и ее людям. Часто

⁸³ А. Майк, *История моей жизни*.

они были единственными россиянами на сотни миль вокруг, и именно по ним их соседи составляли представление о русских. Петр Виселенский выбрал участок в садоводческом солдатском поселении в Ред Клиф около Милдьюры; полицейский, в своем отчете о нем, отмечал, что «он единственный русский в этом районе»⁸⁴. Семен Сучков расчищал землю под свою ферму на северо-западном побережье острова Тасмании, около поселка Эдит Крик; здесь он выращивал табак. Дорога, проходившая мимо его фермы так и называется «дорога Сучкова». В свободное время он писал под псевдонимом Спад Мэрфи; в тасманийском архиве мне удалось обнаружить его рассказ на деревенскую тему «Король картошки». Он написан на английском языке, но действие его могло происходить и в его родной Беларуси, где жизнь крестьянина зависела от урожая картошки. Человек культурный, с широким кругозором, он часто поднимал в своих письмах в местные газеты философские вопросы, например о сопряжении высшей и индивидуальной свободы или о толпе и организации, и любил, говоря о местных проблемах, провести литературные параллели. В то же время его выступления в печати по различным вопросам, волнующим окрестных жителей — о дорогах и о земельном законодательстве, о местной школе и о защите прав фермеров — сделали его настоящим борцом за права австралийского «маленького человека»⁸⁵.

Осип Рынкевич, вернувшись с войны, поселился на тропическом севере Австралии, в Иннисфейл; он тоже мечтал о своей ферме, но еще лет двадцать ему пришлось порубить сахарный тростник, в остальное время работая на постройке железных дорог. Только после второй мировой войны он смог купить землю в тропическом лесу на берегу океана и завести там птицеферму. Кроме того у него была и устричная ферма на прибрежном островке Данк. Теперь это все заповедники, Мекка туристов со всего мира. Для Осипа же, хотя он и полюбил природу жаркого севера Австралии, на первом месте стоял труд. Он считал, что дело мужчины обеспечивать свою семью. Характерно, что Осип завещал все свои владения двум внукам, а внуку ничего не оставил, потому что, пишет его внучка Мари, «по мнению деда — дело мужчины обеспечивать женщин, и мой брат, будучи мужчиной, должен был сам проложить свой путь в жизни и обеспечить себя и свою будущую семью»⁸⁶.

⁸⁴ NAA: A659, 1939/1/12966.

⁸⁵ Spud Murphy. The Potato King. — University of Tasmania Archives, S10/; список газетных публикаций Симона Сучкова — <http://russiananzacs.elena.id.au/Sutchkoff.htm>

⁸⁶ Е-маил Мари Рынкевич, 19.03.2010.

Да, работа на австралийской земле была тяжелым трудом, тяжелым и часто рискованным. Петр Виселенский в годы второй мировой войны взял новый участок земли 325 акров в восточном Гипсленде. 40 акров земли, вдоль реки Тамбо, были расчищены, а остальную землю покрывал первозданный лес. Для детей здесь был рай, и Петр был первоначально рад этой «новой земле». Но тут последовали неудачи одна за другой — засухи, проблемы со здоровьем (Петр сломал ногу и перенес несколько операций), да и старший сын Кевин, находясь на фронте, не мог ему помогать как прежде. «Я была слишком мала, чтобы понять, что происходило, — вспоминает его дочь Маргарет, — но я помню как мать и отец расстраивались, когда приходили письма с красной полосой. Банк отказал им в помощи и все пошло с молотка. Это было самое печальное событие в нашей жизни, я до сих пор не могу вспоминать о нем без слез. Мы потеряли буквально все»⁸⁷.

Наших анзачов можно было найти во всех уголках Австралии. Томас Тарасов работал на шахтах Маунт Моргана и Маунт Айзы в жарких внутренних районах Квинсленда; Джон Матвейчик тоже в Квинсленде, сначала на угольной шахте под Ипсвичем, а потом плотником на ферме в Капалдо. Иосиф Мирский всю жизнь проработал пекарем в Брисбене, Исаак Прусов — столяром в Сиднее⁸⁸. Бывшим морякам тоже вскоре пришлось искать работу на суше. Вильям Деонк стал маляром и декоратором в Сиднее, еще трое моряков осели в Мельбурне — Зиневич был носильщиком, Пашкевич — рабочим, а Леошкевич — водителем трамваев. Но их морское прошлое все еще живет в рассказах их детей. Леон Леошкевич вспоминает: «На корабле отец научился шить и чинить паруса, и после войны ему пригодилось это мастерство, когда его взяли чинить брезентовые покрытия в железнодорожных мастерских». Дороти Деонк, тоже рассказывает, что когда она родилась отец сам шил ей пеленки и распашонки. «Для меня это одно из самых дорогих воспоминаний», прибавляет она⁸⁹. Бронислав Кретович из Виленской губернии, который тоже не попал на фронт по состоянию здоровья, проработал всю жизнь инженером-механиком в Мельбурне. Зиневич, выйдя на пенсию, в 1959 году перебрался с женой-англичанкой в Англию, поселившись на берегу столь любимого им моря в городке Хайклиф⁹⁰.

⁸⁷ Е-маил Маргарет Макграс, 18.02.2010.

⁸⁸ NAA: A1, 1936/6207, Tarasouf, Thomas — Naturalisation; A1, 1923/22357, Matveichek, J — Naturalisation; База данных Ancestry.com — списки избирателей Австралии.

⁸⁹ Письмо Леона Леошкевича, 2.10.2001; Интервью с Дороти Эйлес, 15.08.2001.

⁹⁰ Материалы базы данных Ancestry.com: пассажирские списки, телефонные справочники, свидетельство о смерти.

Самого большого успеха достиг Норман Майер. По окончании войны он вернулся в Австралию и вошел в семейную компанию «Майер Эмпориум». Он начал с должности простого продавца и позже, в интервью 1948 года, рассказывал, что работать под начальством его дяди, Сиднея Майера, было совсем не просто. Но в начале 1950-х годов Норман мог с гордостью сказать: «Я являюсь председателем и управляющим „Майер Эмпориум“, предоставляя работу 10 тысячам человек. В сфере розничной торговли это самое крупное предприятие в Британской империи»⁹¹.

Судьбу нескольких уроженцев Беларуси после войны проследить так и не удалось. Алексей Копин, попавший под подозрение австралийских властей, и отчисленный из армии, в конце 1917 года отправился в Россию. Как сложилась его судьба дальше — неизвестно. Мариан Адамцевич, моряк, после того как его отчислили из армии по медицинским показаниям, отправился в Америку, продолжая работать кочегаром⁹². Исчезает из австралийских документов и Федор Лейко, вероятно он покинул Австралию. Вернулся на родину после демобилизации в Австралии и Джордж Гурасов. Разыскивая сведения о его судьбе, я нашла информацию о его односельчанине — Михаиле Алексеевиче Юрасеве 1872 года рождения. Вполне вероятно, что это был его брат, ведь отца Джорджа звали Алексей, а с трансформациями белорусских фамилий в Австралии мы уже познакомились. Михаила Юрасева, крестьянина-единоличника из села Палуж, арестовали и расстреляли в 1937 году⁹³.

Тем же, кто остался, предстояло построить свой дом в Австралии. И здесь, как мы уже видели на примере семьи Александра Майко, важную роль играли их жены. Некоторые из наших анзаков — Деонк и Зиневич — женились еще во время войны, в Англии, познакомившись со своими невестами пока были там в госпиталях. И те не побоялись отправиться с этими чужаками в неизвестность, в Австралию. Другие — Виселенский, Жабинский, Леошкевич — женились на австралийках. Виселенский, например, встретил свою будущую жену сразу после демобилизации в Мельбурне и вскоре женился. «Любовь покоряет все», коротко комментирует их дочь Маргарет. Однако Петр в то время так плохо знал английский, что когда родилась их старшая дочь, Петр, не поняв вопрос медсестры как записать его дочь, сказал

⁹¹ “Myer — head man and floor-sweeper”, *Herald* (Melbourne), 10.01.1948, с. 7. NAA: A463, 1958/3057.

⁹² NAA: B2455, Adamzewitch Marian; База данных Ancestry.com — пассажирские списки.

⁹³ База данных общества «Мемориал» lists.memo.ru/d38/f192.htm.

имя своей жены, в то время как они хотели назвать ребенка совсем другим именем. Так у дочери оказалось два имени — одно в документах, а второе — настоящее⁹⁴. Осипу Рынкевичу удалось найти жену среди своих земляков. Ею стала украинская девушка Мария Гаврилюк, приехавшая в Австралию с родителями в 1913 году. Они познакомились в Русском клубе в Брисбене⁹⁵.

Но самой неординарной оказалась история Устина Гловацкого. В 1927 году он отправился в Лондон и получил работу смотрителя в Англо-польском банке. Вскоре его перевели в Варшавское отделение банка. Здесь он и познакомился со своей будущей женой Стефанией, которая была моложе его на 22 года. Их младшая дочь Барбара рассказывает: «Когда произошел крах на бирже, семья матери пришла в банк просить о займе, им нужны были деньги, чтобы спасти их бизнес. Отец сказал им: „Если вы отдадите замуж за меня свою дочь, я выплачу все ваши долги”. И он сдержал свое обещание. А она уже была помолвлена со студентом. Но она была такой же, как мы все. На первом месте для нее была семья. Она вышла за отца замуж в 1930 году»⁹⁶. Вскоре у них родились старшие дочери Тереза и Ольга. Над Европой уже сгустились грозовые тучи войны, но Гловацкие не знали, что судьба уготовила на их долю...

Белорусские австралийцы

Сохранение своей самобытности было непростым делом для белорусов. В семьях с англоязычными женами процесс ассимиляции шел, конечно, особенно быстро. Несомненно, что важную роль играла возможность контактов со своими земляками, но не менее важна была и установка самого человека. Полное отсутствие контактов у Виселенского со своими земляками объясняется тем, что он был единственным россиянином среди 900 фермеров Ред Клифа, поселка ветеранов первой мировой к северу от Мельбурна, в Виктории. Леошкевич, несмотря на женитьбу на австралийке, сохранял круг русских друзей. Его сын вспоминает: «У нас было много русских знакомых, дядя такой-то, тетя такая-то — в районах Вильямстоун и Ньюпорт под Мельбурном, где мы жили, было много русских». Дружба Фавста Леошкевича с Василием Грешнером, начавшаяся на «Гунде», сохранилась на протяжении всей жизни. Леон помнит, как он ходил со своим отцом в гости к «дяде Василию и тете Лене»: «Как они замечательно

⁹⁴ Е-маил Деборы Виселенски, 5.01.2010.

⁹⁵ Е-маил Мари Рынкевич, 19.03.2010.

⁹⁶ Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

спорили по-русски! Я любил слушать их русские споры, обычно о политике. А потом неожиданно в их разговор вплетались английские слова, я так и не знаю, почему они прибегали к английскому — то ли они забыли русский, то ли английский казался им более выразительным»⁹⁷. Надо сказать, что им было о чем поспорить — Василий Грешнер в 1934 году съездил в Советский Союз повидать своих родных, был арестован и чудом вырвался из жерновов ГУЛАГа; не миновал ГУЛАГа и старший брат Фавста, Петр Леошкевич, участник Белого движения.

Принадлежность к Православной церкви играла определенную роль в сохранении своей самобытности в судьбах некоторых из наших героев. Фавст Леошкевич, например, православную иконку, которой благословила его мать, когда он отправлялся в плавание, подарил перед смертью жене своего сына, австралийке. Она принесла ее на открытие памятного знака, посвященного российским анзакам в 2007 году в Мельбурне. Хотя она и не говорила по-русски, для нее, как и для ее свекра, эта иконка была святыней. Александр Майко живший под Сиднеем, среди россиян русских друзей не имел, но тоже на праздники ездил в православную церковь в Сиднее. В православной церкви в Сиднее, в то время еще не русской, а, вероятно, греческой, обручился и Павел Зиневиц со своей женой-англичанкой⁹⁸.

Другие, как например, Вильям Деонк, пошли по пути полного погружения в австралийскую жизнь. «Он оставил все это позади», — ответила на мой вопрос о его контактах с россиянами Дороти, его дочь. В общем-то так же относились к прошлому и другие анзаки. Когда сын пытался расспросить его о русском прошлом семьи, Фавст Леошкевич всегда прекращал разговор, приговаривая «Что было, то было»⁹⁹.

Аналогичные процессы ассимиляции, перехода на английский язык, использования английских имен для детей, происходили и в семьях евреев из Беларуси; для некоторых из них эти перемены начались даже раньше, еще до войны — например, семьи Мирского и Прусова жили до приезда в Австралию в Англии. Семья Нормана Майера вращалась в высшем свете Мельбурна и прославилась на всю Австралию своим меценатством и ролью в «большой» политике страны.

Хоть и не в такой степени, как у Майера, но подобное же вовлечение в жизнь австралийского общества происходило и у других анзаков. Устин Гловацкий «по воскресеньям обычно ходил на Домейн,

⁹⁷ Интервью с Леоном Леошкевичем, 14.10.2001.

⁹⁸ NAA: A659, 1939/1/5467, Zinevich, P J — Naturalisation.

⁹⁹ Интервью с Дороти Эйлес, 15.08.2001; письмо Леоны Леошкевич, 2.10.2001.

— рассказывает его дочь о жизни в Сиднее после второй мировой войны. — Он никогда не забывал о политике. Он не был социалистом, но верил в право человека на свободу. Он был близко связан с лейбористами и профсоюзным движением и всегда голосовал за лейбористов. Нам казалось это довольно странным, потому что у него на стене висела фотография царской семьи и в то же время он голосовал за лейбористов. Моя мать вбивала нам в голову, что лейбористы это те же коммунисты, она всегда голосовала за либералов. И каждый раз перед выборами мы, трое детей, должны были сидеть под грушей в саду, пока родители спорили»¹⁰⁰. Осип Рынкевич тоже интересовался политикой и оставался верным идеалам своей юности — он состоял членом Коммунистической партии Австралии даже в те годы, когда она была запрещена. Однако он примирял это со своим католическим воспитанием — долгие годы он поддерживал местную католическую церковь финансово, но службы не посещал¹⁰¹. А вот Лео Берк, стоявший на умеренных позициях, подвергся остракизму со стороны русской общины в Брисбене, которая подозревала его в доносах австралийским службам безопасности¹⁰². В конце концов, женившись на немке, он вынужден был перебраться в отдаленный район Квинсленда, в Равеншоу, и работая на лесопилке, оставил свое русское прошлое — прошлому.

Семьи Осипа Рынкевича и Устина Гловацкого были единственными, передавшими родной язык детям; в обоих случаях решающая роль принадлежала женам-славянкам. В тех краях, где поселился Осип, на севере Квинсленда, осело много россиян, да и его русская жена Мария (которую в семье звали Анни) имела семь братьев и сестер. Внучки до сих пор помнят имена их русских друзей — Джека Вагина, русского анзака, и семью Аверковых, чей сын служил вместе с Осипом и был убит на Западном фронте. По выходным, вспоминают внучки, Осип любил пропустить стаканчик пива или виски и потом распевал с Анни русские песни. А какое веселье было, когда приезжал ее брат Вальтер в казачьем костюме и отплясывал казачьи танцы. Не удивительно, что Осип с Анни говорили по-русски, и русский был главным языком их сына Валентина до тех пор, пока тот не пошел в школу; даже их внучки помнят как все трое разговаривали

¹⁰⁰ Интервью с Барбарой Яго, 20.09.2001.

¹⁰¹ Е-маил Мари Рынкевич, 19.03.2010.

¹⁰² Alleged defamation. — *The Brisbane Courier*, 14.05.1920, с. 8; Raymond Evans, „Agitation, ceaseless agitation: Russian radicals in Australia and the Red flag riots”. In McNair, John & Poole, Thomas, *Russia and the Fifth Continent*, Brisbane: University of Queensland Press, 1992, с. 138.

между собой по-русски. «Однако, — пишет их внучка Мари, — нам кажется, что Осип и Анна хотели, чтобы их семья ассимилировалась и приняла австралийский стиль жизни; они не учили своих внуков говорить по-русски, но в то же время Осип не стеснялся своего русского происхождения»¹⁰³.

Последняя фраза у Мари не случайна. Подозрительное, а то и негативное отношение к россиянам на протяжении всей жизни наших анзакров и со стороны властей, и со стороны населения было очень сильным. У Вагина, друга Рынкевича, например, австралийская полиция конфисковала дневники, которые он вел на протяжении многих лет, в том числе и на фронте. Некоторые наши анзаки принимали вызов с юмором, в стиле австралийских анзакров. «Стоило кому-нибудь обозвать моего отца „чертовым русским“, — рассказывает сын Фавста Леошкевича, — он тут же отвечал: „Вот именно, да и Иван Скавинский Скавар к тому же“. А надо вам сказать, что это была похабная военная песенка о русском герое-головорезе. И когда отец так говорил, все начинали смеяться и этим все и кончалось. А если у него спрашивали: „Вы — красный русский или белый русский?“, отец отвечал: „Розовый“. Он всегда все сводил на шутку. Стоило кому-нибудь обозвать его Иваном, он тут же отвечал: „Да, Иван Грозный“. Я помню, — мне было тогда лет двадцать — у отца кто-то спросил, как он относится к коммунистам. Он ответил, что к ним он никаких теплых чувств не испытывает, но вот Пугачев ему нравится. Меня это заинтересовало и я спросил у отца, кто такой Пугачев, и он объяснил мне, что он был вроде австралийского бушрейнджера Неда Келли во времена Екатерины Великой»¹⁰⁴. Тут надо пояснить, что бушрейнджеры — это австралийские лесные разбойники, которые, как Робин Гуд, грабили богатых и помогали бедным. По крайней мере такими их рисует австралийский фольклор.

Доверие помогало завоевать не только острое словцо, но и соседство, совместный труд, перераставший в дружбу. Маргарет, дочь Виселенского, пишет: «Мы всегда знали, что отец родился в России, но в этом не было ничего особенного. Мы не чувствовали, что в Ред Клифе мы были в чем-то отличными от других. Что касается отношений отца с местными жителями, так мы сами и были местными жителями. Все поселились на этих участках примерно в одно время, все имели разное происхождение, а связывало их между собой то, что все они были фронтовиками». Это именно то ощущение пионерства на земле,

¹⁰³ Е-маил Мари Рынкевич, 19.03.2010.

¹⁰⁴ Интервью с Леоном Леошкевичем, 14.10.2001; Письмо Леона Леошкевича, 21.10.2001.

о котором мы уже говорили. Но связывала их с австралийцами и принадлежность к племени анзаков. Не случайно Маргарет помнит как отмечали в их поселке День Анзака 25 апреля: «Это был особенный день. В Мельбурн шли специальные поезда и почти все мужчины из нашего поселка отправлялись туда, чтобы пройти с парадом по городу и встретиться со своими товарищами... Мы не могли дожидаться возвращения отца, т.к. его сумка всегда была полна игрушек и всего такого для нас, детей». А еще Маргарет вспоминает, что родители зачастую проводили вечера с соседями, собираясь друг у друга, играя в карты и общаясь. В один из таких вечеров сгорел их дом и Виселенские остались в чем стояли. На помощь им тут же пришли и соседи и Лига фронтовиков — собрали деньги и отстроили дом¹⁰⁵.

Наши анзаки, ежедневно общаясь с окружающими их австралийцами, по крупицам наработывали тот невидимый слой доверия и уважения, который постепенно изменял общественное мнение и делал австралийцев более терпимыми к иммигрантам. Иногда, впрочем, это становилось очевидным только на их похоронах. «Отец был бы поражен количеством людей, пришедших на его похороны, — рассказывает Берил, дочь Александра Майко. — Он не представлял, как много людей его знали и любили». Точно так же дочери Устина Гловацкого запомнилось, как их многочисленные соседи на похоронах отца говорили: «Другого такого джентльмена никогда не будет»¹⁰⁶.

Детям и внукам наших анзаков, не привыкшим говорить возвышенными словами, с трудом удастся передать мне, — человеку из другой страны и из другого времени, — что значило «тогда» быть австралийским анзаком. Лишь однажды Леон, рассказывая мне о своем отце, Фавсте Леошкевиче, разговорился и произнес целую тираду о различиях между тогдашними и нынешними людьми. «Мой отец был настоящий австралиец — не такой, как сегодняшние австралийцы. Мне сегодняшние и самому не по нраву. Он был австралийцем старого закала. Вы знаете их идеалы: честность и справедливость, да, он был таким настоящим старым диггером [фронтовиком]. И он не был пустозвоном — вы понимаете, что я имею в виду? Это очень трудно объяснить тем, кто не общался с ними, кто не жил рядом со старыми солдатами. У них было совсем особое отношение ко всему. Вот диггеры второй мировой войны, — они были такими же, но после этого в нашем обществе все покатило вниз. Эти идеалы честности и справедливости — мы по ним уже больше не живем. Теперь очень

¹⁰⁵ Е-маил Маргарет Макграс, 2.02.2010.

¹⁰⁶ Берил Боуэн. Александр Майк. [Биография] — Архив Берил Боуэн, Госфорд; Интервью с Барбарой Яго, 23.08.2001.

трудно говорить с людьми: все, что их интересует, — это деньги, успех и рассказы о том, какие они замечательные люди... Мне вчера исполнилось семьдесят лет. Я все еще помню тех, настоящих людей, и я не думаю, что среднего молодого человека нашего времени можно назвать настоящим человеком»¹⁰⁷.

То, о чем говорил Леон, не было различием между русскими и австралийцами, это было различие между австралийцами и австралийцами. Для наших анзаков ассимиляция состояла не просто в отказе от их родного языка, обычаев или религии и в замене их австралийскими реалиями. На фронте они, как и их австралийские товарищи, превратились в диггеров — а в это слово, как и мы в слово фронтовик, австралийцы вкладывают особый смысл. В этом они и их австралийские товарищи были равны, и те, и другие стали настоящими австралийцами именно на фронте, и остальные иммигранты были им не чета. И кочуя по стране в поисках заработка в трудные послевоенные годы российские анзаки носили в кармане на груди свидетельство об увольнении из армии, а не свидетельство о натурализации. Разве не доказали они верность Австралии кровью на поле боя?

Вторая мировая

Но пришел день, когда Австралия снова напомнила им, что они все еще — чужаки. Вспоминает Маргарет, дочь Петра Виселенского: «Когда началась вторая мировая война, отец вступил в Добровольный корпус обороны, но к тому времени, когда Россия вступила в войну, отец не был натурализован. В один прекрасный день к нашей ферме подъехала новенькая машина. Поскольку мы жили в миле от главной дороги, это уже само по себе было событием. Из машины вышли три человека, взяли нашего отца и увезли. Мы, дети, были ошеломлены и перепуганы, когда мама сказала нам, что отца арестовала федеральная полиция, потому что он русский. Она понятия не имела, куда его повезли и когда мы снова его увидим. Как же нам было страшно! Они еще забрали его оружие — дробовик и ружье 303 калибра, вещи нужные в хозяйстве на такой ферме как наша, — а также его форму добровольца корпуса обороны. Очевидно все это они сочли подозрительным.

Нам пришлось вручную доить сто с чем-то коров дважды в день. У нас были доильные аппараты, но они работали на бензиновом моторе, а у мамы, как она ни старалась, не хватало сил, чтобы его завести!

¹⁰⁷ Интервью с Леоном Леошкевичем, 14.10.2001.

Через день-другой отца привезли домой с формой и ружьями. Оказалось, что вмешалась Лига ветеранов, они подписали нужные бумаги и потребовали, чтобы его немедленно отпустили. Таким образом он получил возможность вернуться домой. Тот факт, что он воевал за Австралию в первой мировой войне и был в добровольном корпусе обороны во второй мировой, а также то, что его сын теперь сражался в Австралийской армии на Тихом океане (если он вообще еще был жив) ничего не значили для федеральной полиции, но это был не пустой звук для Лиги ветеранов»¹⁰⁸.

История Виселенского не была исключением. С началом войны статус ненатурализовавшихся анзаков, таких как Деонк, Гловацкий, Жабинский, опять стал камнем преткновения. Но вот сыну Александра Майко подозрительность властей сослужила добрую услугу. Когда в 1944 году 18-летний Франк подал заявление на вступление в авиавойска, от него потребовали подтверждения о натурализации его отца. Когда копия документа была наконец получена, Франка зачислили в авиаотряд, но он уже не успел попасть в последнюю группу, которую послали на фронт через Канаду. «Он очень жалел об этом, — вспоминает его сестра Берил, — но, как знать, может быть это спасло его жизнь!»¹⁰⁹

Кроме Виселенского еще двое из белорусских анзаков служили в австралийской армии во второй мировой войне. Самуилу Гунзбургу из Минска, родившемуся в самом конце XIX века, пришлось ждать чуть ли не до самого конца первой мировой войны прежде чем его приняли в армию, но на фронт он так и не попал — когда он тренировался в лагере, объявили перемирие¹¹⁰. Макс Тортсан из Несвижа был натурой непоседливой; несмотря на молодость (он родился в конце 1890-х), он успел повоевать в Африке, где он жил с семьей, дважды вступал в Австралийскую армию в первой мировой войне, и дважды был судим военно-полевым судом за самовольные отлучки. Но когда началась вторая мировая, он поспешил снова вступить в армию¹¹¹. В этой войне Тортсан и Гунзбург, как и Виселенский, прослужили по несколько лет добровольцами в корпусе обороны, ведь Австралии в этой войне грозило вторжение Японии и каждый опытный ветеран был на счету.

Семью Гловацких война застала в Европе. Устин был эвакуирован из Варшавы незадолго до начала войны вместе с банком, где он ра-

¹⁰⁸ Е-маил Маргарет Макграс, 18.02.2010.

¹⁰⁹ Письмо Берил Боуэн, 12.03.2002.

¹¹⁰ NAA: B2455, Gunzburg Samuel.

¹¹¹ NAA: B884, N72608, Tortsan Max.

ботал, а Стефания с девочками Терезой и Ольгой в это время находилась в доме отдыха около Бреста и не успела вовремя выехать. В 1939 году они оказались на территории, занятой советскими войсками, которая вскоре была оккупирована немцами. Гестапо арестовывало Стефанию три раза: очевидно были доносы о том, что она еврейка, хотя в действительности она была полькой. На случай ареста она с детьми придумала специальный язык жестов и научила дочерей, что в случае опасности они должны бежать в разные стороны (так было больше шансов, что хоть одна из них выживет); разбегаясь, знаками они договаривались, где встретятся. Трижды ей удавалось вырваться, и каждый раз она находила своих детей после многих испытаний. Их рассказы о пережитом настолько тяжелы, что я не решаюсь их воспроизвести. Упомяну лишь об одном случае, рассказанном мне Барбарой, младшей дочерью Стефании, родившейся уже после войны. «Как-то мать нашла на дороге убитую собаку. Она вырезала все мясо и приготовила суп для детей. Когда она вернулась назад, чтобы взять кости, от собаки уже ничего не осталось. Она горько сожалела, что не взяла сразу всю собаку». Так они и жили, и голод научил Стефанию и детей заниматься торговлей на черном рынке.

С приходом советской армии начались новые испытания. «Русские узнали, что мать говорит по-немецки, — рассказывает Барбара, — и ее стали посылать на немецкую территорию в разведку. Они отправляли туда красивых женщин, которые должны были ходить среди немецких солдат, предлагать им сигареты, заводить с ними знакомство и собирать сведения, которые нужны были советским войскам. Это было очень опасно. Некоторые женщины, которых отправили вместе с моей матерью, так никогда и не вернулись. Немцы не только насиловали таких женщин, но и убивали. У моей матери не было выбора, советские военные забрали ее детей и сказали: „Пока вы не вернетесь с информацией, вы их не увидите”». Стефания и на этот раз выжила. Вместе с советскими войсками они в конце концов добрались до Варшавы. «Мой отец все это время разыскивал ее, — рассказывает Барбара. — Красный Крест через британское посольство в Варшаве развесил объявления о розыске пани Гловацкой». По счастливому стечению обстоятельств британским консулом в Варшаве в это время оказался Франк Савери, родственника которого Устин вынес с поля боя в Галлиполи. Когда Стефания с дочерьми была найдена, война уже кончилась, и ее в числе первых вывезли из Варшавы на немецком самолете. В Берлине ее встретил британский атташе, и их тут же переправили в Англию, где их ждал Устин. Здесь, после шести лет разлуки, Устин наконец увидел своих дочерей-подростков, которых он оставил в Польше совсем детьми. Они пробыли вместе несколько

месяцев. Стефания, которая ждала нового ребенка, хотела только одного — уехать как можно дальше от Европы. Они решили, что она с детьми первая поедет в Австралию, поскольку Устин все еще служил в британском флоте¹¹². Они не знали, что это еще не был конец их приключений и скоро им опять пригодится их язык знаков.

В поисках своей души

Наши анзаки были удивительным поколением, оказавшим огромное влияние на своих детей. Леон Леошкевич закончил свои воспоминания об отце, написанные по моей просьбе, словами: «Вот я все это написал и почувствовал, что даже сейчас, а мне уже стукнуло 70, мне не хватает отца. Это был удивительный человек. Он научил меня думать... Отец был одним из немногих, кого я по-настоящему уважаю и все еще стою в его тени»¹¹³.

Уроки, которые анзаки дали своим детям, совсем не простые. И здесь мы опять вернемся к истории семьи Гловацких.

Итак, в 1946 году беременная Стефания Гловацкая с дочерьми Терезой и Ольгой отправилась на корабле из разоренной войной Европы в Австралию. Устин взял для них билеты до северного Квинсленда, где он когда-то купил участок земли. Он вскоре должен был окончить службу в Британском флоте и присоединиться к ним. Их дочь Барбара рассказывает: «Мама доехала до Фримантла и подумала: „О Боже, я хочу вернуться домой!“. Корабль шел дальше и из всего, что она видела, Сидней ей понравился больше всего. Кто-то на корабле ей сказал: „Если Вы поплывете дальше на север, то это будет опять вроде Фримантла“. Тогда мама решила: „Лучше я выйду в Сиднее“. И вот они сошли в Сиднее с корабля, но их там, конечно, никто не встречал. Они дошли до Гайд-парка и прожили там две недели. Они не знали ни слова по-английски. Каждый раз, когда они видели полицейских, им казалось, что это гестапо, и они прятались. И тут у мамы начались роды, прямо около фонтана Арчибальда в Гайд-парке. Кто-то заметил, что маме плохо и вызвал скорую помощь и они увезли ее в больницу. А Тереза и Ольга, еще совсем девчонки, когда увидели скорую помощь и полицию, спрятались в кустах, потому что все эти годы в оккупации мама говорила им, что если появляются мужчины в форме, надо бежать от них в разные стороны и прятаться. У них был специальный язык жестов, и они условились встретиться через несколько часов».

¹¹² Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

¹¹³ Письмо Леона Леошкевича, 2.10.2001.

А тем временем, в больнице, у Стефании родилась Барбара — одно из последних детей наших анзаков. «Когда она пришла в себя, — продолжает Барбара, — она начала плакать. Никто не мог понять, на каком языке она говорит. К ней позвали женщину из России, но она начала говорить с ней по-украински, и тут моя мама просто застыла, ведь это украинцы сдали ее в гестапо. Тогда та украинка нашла польку. И полька уже выяснила, что она жила в парке около фонтана и там остались ее дети. И тогда полиция начала поиск ее дочерей. Они ловили их четыре дня — они были дикие, буквально дикие, их было не так-то просто взять. В конце концов, их все-таки поймали и привезли к матери. Но когда мой отец добрался до Сиднея несколько месяцев спустя, у нас уже был дом, сестры пошли в школу, а я лежала в коляске». Мать часто говорила им: «Я прошла всю войну, и я никогда ничего не просила». Так же она никогда не будет просить ничего и в Австралии.

Барбара вспоминает свое детство: «Когда я была дома, мне было очень хорошо в нашей семье. А вот когда я была вне дома, я не хотела, чтобы кто-нибудь из моей семьи был со мной. Это было очень тяжело, потому что я жила в двух мирах; и я никогда не могла их примирить. Когда мой отец умер, мы переехали в новый дом — роскошный, красивый. В то время мать зарабатывала свой первый миллион, и она не хотела, чтобы я приводила домой друзей. Отец всегда готов был пригласить домой всю округу, а мама не хотела, чтобы в доме был кто-нибудь чужой. Она не ценила друзей. Хоть она и болтала, и смеялась, у нее в жизни была одна цель — сделать как можно больше денег, чтобы я получила самое лучшее образование, вообще все самое лучшее». В то время Стефания уже начала скупать жилье и сдавать его в наем. Она еще успеет сделать несколько миллионов, но никогда не откажется от приемов жестокой экономии, которые она выработала в послевоенном Сиднее — например, в конце дня она отправлялась на рынок с детской коляской, подбирая там все, что осталось на прилавках, экономя таким образом деньги на еду.

«Когда отец умер, — вспоминает Барбара, — все плакали. А когда мама умерла, все говорили: «Слава Богу!» И я подумала, что это несправедливо. На похоронах отца было столько людей, все было так помпезно! Он был анзаком и к нам пришли из Лиги ветеранов, они оплатили похороны, развесили флаги, салют из ружей — вся эта атрибутика. Еще даже волынщик был, играл «Последний пост». И вот ты думаешь — да, он заслужил все это, да, он был хороший человек, да, он был добрый, да, он любил мою маму, да, да, да. Но дело в том, что если бы мы полагались только на отца, мы бы кончили в канаве, потому что всю нашу семью подняла мать».

Эта борьба двух миров все еще продолжается в сердце Барбары. «С такой „семейной историей” я не хочу принадлежать ни к одному народу. Я принадлежу сама себе. Мне претит любой национализм», говорит она¹¹⁴. Барбара успешно занимается бизнесом и работает учителем истории. После выхода на пенсию она собирается открыть курсы для матерей-одиночек, чтобы научить их, как добиться экономического успеха в жизни своими силами. И она никогда не выключает свой мобильник — ее ученики могут позвонить ей в любую минуту, если им нужна помощь.

Молчание, нежелание говорить о прошлом присутствует почти в каждой истории наших анзакв. Почему отцы не рассказывали детям о своем прошлом? Конечно, к этому не располагало время, когда слово «русский» вызывало подозрения и ассоциировалось со словом «большевик». Часто отцы не хотели, чтобы дети повторяли их опыт, оказавшись между двух миров, как об этом говорит Барбара Гловацкая. Ее семья была редким исключением — дома они говорили по-русски и по-польски, и Барбара даже ходила в русскую школу в послевоенном Сиднее и все еще хранит свой русский букварь. Но потом, вспоминает Барбара, когда в австралийской школе она упомянула, что дома они говорят по-польски, отношение к ней резко изменилось. Это был урок на всю жизнь.

Мы уже говорили о молчании Нормана Майера, дети которого не знали даже, где он родился. Он, как и многие наши анзаки, был образцом австралийской политики ассимиляции. Но что такое ассимиляция? Можно ли сказать, что ты ассимилировался, если ты внешне не отличаешься от окружающих и вырос вне связи с языком, религией и историей своих предков? Казалось бы — да. Да, если бы не наша непредсказуемая душа. Она живет по своим законам, и семя, дремавшее в ней годами, может дать неожиданные всходы.

Это и произошло в семье Майеров. Когда я познакомилась с Памелой Варрендер, дочерью Нормана, посетив ее в ее фешенебельном доме в Тураке, один из первых ее вопросов был:

— Объясните мне, что такое русская душа? В молодости один журналист сказал мне, что у меня русская душа, и я все время думаю об этом.

— А разве Вы не чувствуете себя австралийкой?

— Нет, да и мои дети все еще ищут себя.

В 1989 году Памела побывала в Ленинграде по приглашению мэра Собчака и недавно издала свои дневники, которые рассказывают о ее

¹¹⁴ Интервью с Барбарой Яго, 4.10.2001.

путешествии в прошлое. Внук Нормана, Род Майер, совершил путь в другом направлении, о котором он рассказывает в очерке «В поисках моей еврейской души»: «Все эти разговоры о поисках своих корней всегда казались мне чем-то искусственным, попыткой оправдать уход от реальной жизни в мир каких-то надуманных эмоций». Но после поездки на родину его предков с ним произошла необъяснимая перемена. «Однажды ночью я проснулся и сказал себе „Я — еврей”. Это было не столько религиозное чувство, сколько обретение себя и своего места в этом мире»¹¹⁵. Такие путешествия идут наперекор представлениям западного общества об ассимиляции. Да и можно ли ассимилировать нашу непокорную душу? И нужно ли?

Такое же путешествие совершила и Берил, дочь Александра Майко. «Когда отец умирал в 1960 году, он попросил меня поддерживать связь с его родными в Беларуси и побывать там, если я смогу, — вспоминает она. — Я должна была поехать в СССР по Транссибирской железной дороге, и лучше всего весной, потому что это будет самое красивое время! Он говорил мне о нежно-зеленых листьях, о цветах... Такой завет выполнить мне было совсем не просто — ведь я в то время не знала русский язык, не знала, где находятся эти родственники, и была матерью троих детей — 8 лет, 6 лет и 1 год... У меня ушло 16 лет на то, чтобы выполнить это предсмертное пожелание отца... В 1972 году я начала учить русский язык, в 1973 году Красный Крест помог нам найти наших родственников в Беларуси, и мы начали с ними переписываться, и, наконец, в 1976 году мы отправились в путешествие по Транссибирской железной дороге. Мы с мужем остановились в Минске в гостинице и побывали в гостях у наших родственников, живших в Минске».

Деревня Затитова Слобода, затерявшаяся среди лугов у реки Березины, и старый дом, откуда Александр Майко начал свое эпическое путешествие 65 лет назад, так и остались за пределами досягаемости для Берил — это были Брежневские времена, и власти, «к сожалению, не разрешили нам посетить деревню отца, — говорит Берил. — Я до сих пор жалею об этом». Но к ним пришел посланец из прошлого — Анна, любимая сестра Александра, единственный лучик света в его тяжелом детстве. Она все еще жила в Затитовой Слободе и отправилась в Минск, чтобы повидать свою племянницу. «Глаза у Анны были голубые, как у отца. Когда мы покидали Минск, она принесла нам копченый окорок своего изготовления, чтобы мы взяли

¹¹⁵ P. M. Warrender, Pamela: In her Own Right, Prahran, Vic., Hardie Grant Books, 2007; R. Myer, In search of my Jewish soul.

его с собой». Это, должно быть, был весь зимний запас мяса у Анны, но она, не колеблясь, привезла его из деревни, чтобы ее племянница не голодала на долгом пути в Австралию... Как много значила для Берил эта простая белорусская крестьянка! В тот день она записала в дневнике: «Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Встреча с родными моего отца — это было то, ради чего я работала, учила русский язык, и о чем я мечтала долгие годы!»

Встреча Берил и Анны в Минске

В другом месте она пишет: «Сидя там, в окружении родственников, я поняла слова «кровь не вода». Это же чувство Берил испытала и несколько лет спустя, уже во времена перестройки, когда у них в Австралии побывали их родные из Беларуси. Это были люди другого времени, не похожие на Анну и ее отца, но они все знали самое главное — каков бы ты не был, ты принадлежишь семье¹¹⁶. Как и родине.

Я не удивилась, узнав недавно, что один из молодых членов их семьи хочет восстановить правильную форму их фамилии — Майко, ведь в Австралии их фамилию превратили в Майк.

А поиск продолжается. Леон Леошкевич на свою крохотную пенсию заказал дорогостоящие документы из военно-исторического архива в Москве и наконец-то узнал о героических подвигах своего дедушки полковника Павла Илларионовича Леошкевича в боях под Шипкой в армии Скобелева.

Пока этот очерк готовился к печати, произошло радостное воссоединение российских Рынкевичей, прочитавших о моем поиске в Интернете, с их австралийскими родственниками. Как выяснилось, их семья происходит из Режицкого уезда Витебской губернии, и переселились они в Сибирь, вероятно, в результате Столыпинской реформы. После отъезда Осипа в Австралию, его брат Исидор поддерживал с ним переписку, но в 1930-х годах ее пришлось прекратить. Увы, это не спасло Исидора, в 1938 году его арестовали и расстреляли как... латвийского шпиона, ведь его родина (Режица/Резекне) в то время оказалась на территории буржуазной Латвии. Но закончим мы эту историю на радостной ноте. Когда Валентин Осипович Рынкевич, человек пожилой и почти ослепший, узнал, что в далекой Сибири живет его двоюродный брат, сын расстрелянного Исидора, и куча племянников, его первым желанием было тут же отправиться к ним в гости. Будем надеяться, что они встретятся, и один из тысяч мостов, разрушенных «веком-волкодавом», наконец-то восстановится.

А семьи Петра Виселенского и Вильяма Деонка все еще ждут и надеются найти своих родных в далекой Беларуси и узнать о своих истоках...

¹¹⁶ Берил Боуэн, *Наши русские связи. Дневник, 1976*. — Архив Берил Боуэн, Госфорд. Письма, 3.11.2001, 7.11.2001. — Архив автора.

Summary

Belarusian Anzacs

The research project 'Belarusian Anzacs' concentrates on the destiny of about forty Belarusian natives who entered the ranks of the Australian army during WWI. Earlier, pre-revolutionary Belarusian emigration remains outside the purview of both Soviet and contemporary historians, due to conflicting political sympathies and the scarcity of records. This project is an attempt to study a representative group of early emigrants using a prosopographical method. In close connection with the history of the recipient country, it examines individual life stories and studies questions of ethnic and political identity, patriotism and assimilation.

The research draws on the rich collections of the National Archives of Australia and the Australian War Memorial. Additional sources are provided by Australian newspapers and the genealogical databases of Ancestry.com, and others. The majority of these documents have been digitised, and the website accompanying the project allows the reader direct access to primary archival sources.

The project makes use of a small number of available memoirs by the Belarusian Anzacs themselves, but it also makes wide use of interviews with their children and grandchildren. Family memoirs, of course, are not devoid of subjectivity and factual inconsistencies. However, on closer scrutiny, they present attention-worthy historical artefacts, reflecting the processes by which immigrants and their descendants adapted to Australian society over the last century.

Streszczenie

Białoruscy żołnierze ANZAC

Artykuł poświęcony jest losom czterech dziesiątków wychodźców z Białorusi, którzy walczyli w szeregach armii australijskiej (Australian and New Zealand Army Corps = ANZAC) podczas I wojny światowej. Wcześniejsza, przedrewolucyjna emigracja białoruska pozostaje poza sferą zainteresowań zarówno sowieckich, jak i postsowieckich historyków ze względu na priorytety polityczne oraz mało zbadane źródła. Artykuł jest próbą zbadania reprezentatywnej grupy wczesnych emigrantów przy wykorzystaniu metody prozopograficznej. W kontekście historii kraju przyjmującego, na przykładzie konkretnych losów badane są takie problemy jak tożsamość etniczna i polityczna, patriotyzm i asymilacja.

W pracy wykorzystano materiał źródłowy z bogatych zbiorów Narodowego Archiwum Australii i Australian War Memorial. Pomocne okazały się również gazety australijskie, baza danych genealogicznych Ancestry.com oraz inne dodatkowe źródła. Większość dokumentów została zdigitalizowana, a strona internetowa powstała przy okazji prowadzonych badań daje czytelnikom możliwość natychmiastowego dostępu do źródeł archiwalnych.

W artykule wraz ze wspomnieniami białoruskich „anzaków” szeroko wykorzystano wywiady z ich dziećmi i wnukami. Choć wspomnienia rodzinne nie są pozbawione subiektywizmu i zawierają wiele nieścisłości, jednak po ich uważnej lekturze okazują się być godnymi uwagi historycznymi artefaktami, odzwierciedlającymi procesy adaptacji imigrantów i ich potomków w społeczeństwie australijskim w ubiegłym stuleciu.

Elena Govor — dr, pracownik naukowy Szkoły Kultury, Historii i Lingwistyki Wydziału Azji i Pacyfiku Australijskiego Uniwersytetu Narodowego w Canberrze; zainteresowania badawcze — historia kontaktów rosyjsko-australijskich i rosyjsko-południowopacyficznych; pisarka, jej książki wychodziły w Rosji, Australii i USA; ostatnio opublikowała: *My Dark Brother: the Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family* (2000), *Russian Anzacs in Australian History* (2005), *Twelve Days at Nuku Hiva: Russian Encounters and Mutiny in the South Pacific* (2010).